

ДАМСКИЕ
ДЕТЕКТИВЫ

РОМАНОВА

БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛЕНЬКОЙ БЛОНДИНКИ

Крепка как смерть любовь

Новый
РОМАН

Галина Владимировна Романова
Большие проблемы
маленькой блондинки
Серия «Дамский детектив (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167379
Большие проблемы маленькой блондинки: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-21245-3

Аннотация

Жанна Масютина давно поняла, что муж ей изменяет. Обманывать себя не имело смысла. Чего стоили его поздние, а точнее ранние – под утро, – приходы домой, его вечное равнодушие и холодность? Чего стоили фотографии, на которых ее супруг целовал и обнимал другую – хрупкую белокурую девочку?.. И вот теперь эта малышка убита. Все указывало на то, что в преступлении замешан Масютин. Не потерпел измены юной любовницы – и отомстил. Так думали его приятели, так считала милиция, так казалось и Жанне. И только где-то в глубине души ее терзали сомнения: не мог Масютин убить. Но достоин ли блудный супруг того, чтобы обманутая жена принялась доказывать это?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	49
Глава 5	54
Глава 6	75
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Галина Романова

Большие проблемы маленькой блондинки

Глава 1

Отвратительное утро...

Нет, не так.

Отвратительным было настроение, которое даже самое прекрасное утро превращало в отвратительное. Хотя...

Хотя что такого прекрасного могло быть в угрюмой пасмурности нового дня, хмуро выползающего на свет божий? Вроде и дождя нет. И ветер, как ни странно, утомился, а пару дней перед этим буйствовал о-го-го. И солнце, казалось, обещало прорвать жиденькую кисею облаков, но...

Но все не то! Не то, не то, не то.

Невеселое какое-то это спокойствие. Мало того, гнетущее, щемящее и... опять же отвратительное.

Вот и снова съехала! С чего, как говорится, начала, тем и закончила. И ничего-то ей не мило, и ничего-то она не хочет, и ничего-то ее не радует, а так хотелось бы. Так соскучилась по простым человеческим радостям, черт бы все побрал!

Так хотелось, чтобы утро радовало и вечер. Чтобы ветер

не мешал смеяться, а солнце не заставляло плакать. Чтобы ночь до обидного была короткой, а не превращалась в холодную бесконечность.

Жанна не помнила, сколько времени простояла, уткнувшись лбом в холодное оконное стекло на кухне. Может, час, может, меньше, но по тому, как начало покалывать между лопаток и под коленками, поняла, что простояла достаточно долго.

Она оттолкнулась от подоконника онемевшими руками, плотнее запахнула на груди халат и с тоской посмотрела на часы. Полседьмого. Через час нужно будить детей в школу. Хотя сегодня они, наверное, сами повыскакивают из своих комнат. Тридцатое мая ведь, последний день учебы. А через два дня уедут по путевкам в лагеря. Вот и считают часы, подгоняя время.

Дети уедут почти на весь июнь, а она останется. Одна. Ужас какой! Что она будет делать без них?! Чем займет себя?! Общественницей заделается или примется рекламные буклеты и гляцевые журналы проходим навязывать, а может, хот-догами торговать, а?

Очумела! Совсем очумела или свихнулась на почве ничегонеделания и природной подозрительности. Это были его слова, не ее. Это он так умничает, не пытаясь даже оправдываться. Не считает нужным, как же! Он же весь уработался, изорвался... Истаскался – это уже ее комментарий.

Истаскался-истаскался, тут уж не поспоришь. И он всегда

в этом месте затыкался и глядел на нее с гневным укором. Чего, мол, городишь, дура?! Да еще при детях!..

А, типа, дети – дураки совсем. Ничего не понимают. И не знают, где и сколько ночей в неделю должен их папа ночевать. По всем подсчетам и выкладкам выходило, что дома! И что ровно семь дней в неделю ночевал их папа не в своей кровати, а...

Вот где именно он ночевал, Жанна до сих пор так и не узнала. Нет, он не каждую ночь, конечно же, отсутствовал. Точнее, приходил он почти всегда, но почти всегда утром!

Разве половина пятого – это ночь?! А шесть утра, это как?! Да даже три пятнадцать уже не ночь, как ни крути.

Вялой рукой ухватив чайник за ручку, она подставила его под струю воды. Потом обтерла чистой салфеткой и поставила кипятить. Нужно срочно выпить кофе, пускай даже растворимый. В такое утро сойдет и он. Варить не хотелось по той простой причине, что не было молотого. Закончился. А молотый сейчас, ссыпать все в турку, ждать, пока подойдет, и при этом стараться не упустить клейкую пенку на плиту...

Нет, это не для ее сегодняшнего настроения. Лучше уж растворимый.

– Ма, ты чего так рано? – в дверном проеме кухни появился Витюня, их младший сын.

Глазенки сощурены, волосы торчат в разные стороны, рот припухший – яркий, будто вишня. И ведь снова в плавках, хотя она уже вторую неделю заставляяет его хотя бы на ночь

надевать трусы. Витюня спорить не спорит, а делает все по-своему. Прямо как отец.

– Иди, сынок. Иди досыпай, – пробормотала она, рассеянно теребя поясок халата и старательно избегая смотреть в сторону собственного ребенка. – Рано еще.

– Он опять не пришел, да? – Витюня тут же обо всем догадался, кивнул в сторону кухонной стены, за которой располагалась родительская спальня. – Не пришел, да, ма? Вот блин, обещал же...

Сын тяжело, совсем по-взрослому вздохнул, потом коротко зевнул и, сходя в туалет, так же с полузакрытыми глазами пошел в свою комнату до-сматривать сон. А Жанна неожиданно расплакалась.

Нет, ну каков мерзавец, а?! Ну просила же не портить детям настроения перед отъездом! Просила хотя бы недельку соблюсти приличия и являться домой для видимости. Пускай не недельку, а дня два-три. Неужели так тяжело отложить все свои дела и просто дать понять детям, что у них отец какой-никакой имеется?

Наверное, тяжело.

Жанна утерла слезы воротником халата и взъерошила волосы, шикарные когда-то. Раньше она любила и старалась за ними ухаживать: ополаскивала отваром из корня лопуха и ромашки, не доверяя чудодейственным современным хвалениям. Волосы тяжелой волной перекатывались по лопаткам, вечно выбивались из прически и неделю держали обыч-

ную пятнадцатиминутную завивку на термические бигуди.

Потом случилось замужество, дети, дом. И все ушло куда-то. Желание холить себя, лелеять, тратить на это время, как казалось, впустую...

Жанна по примеру младшего сына тяжело вздохнула и с обидой посмотрела на стену, разделяющую спальню и кухню.

Ладно, переживут как-нибудь очередное его скотство. Может, и правда запарка на работе. Может, и правда в очередной раз его прямо с дороги домой вернули, обнаружив взломанные замки на даче губернатора, а его самого...

Господи, какой бред! Час за часом, день за днем, год за годом она верила в этот бред. Правильнее, заставляла себя верить. Ей иногда казалось, что соседи смеются за ее спиной. Иногда – что сочувственно перешептываются. И то и другое было унижительным для Жанны – умницы, красавицы когда-то, без пяти минут кандидата в доктора наук. Но вот эти самые без пяти минут, очевидно, все и подпортили. Так она без них и осталась. Без пяти минут счастливая, без пяти минут брошенная, без пяти минут...

Чайник бешено закипел за спиной и тут же тоненько присвистнул. Не оборачиваясь, Жанна повернула ручку газовой конфорки и прислушалась. Не разбудил ли этот отвратительный свист ее ребят? Кажется, нет, спят. Пускай пока поспят. Рано еще. Еще успеют насладиться днем сегодняшним, как брат-близнец похожим на день вчерашний.

Так, стоп. Чего это она с больной головы на здоровую перебрасывает?! Это ее дни – все как один похожи друг на друга! Дети-то тут при чем? У детей все просто отлично. У них с завтрашнего дня каникулы. У них на руках по путевке на побережье, в детские оздоровительные лагеря. Все уже куплено, вещи упакованы в новенькие дорожные сумки...

Все прекрасно, одним словом. Нужно постараться не портить им настроения перед отъездом.

Выпив залпом пару чашек крепчайшего кофе, Жанна подобрала подол длиннущего халата и побрела в ванну. Пробыла там непозволительно долго, пытаясь придать себе божеский вид. Тяжело, конечно, после бессонной ночи, но возраст еще позволял. Еще не пройден тот рубеж, после которого ни одна примочка, ни один компресс не разглядят мешков и синяков под глазами.

Сегодня вроде ничего все вышло. И глаза просветлели, растворив горестную муть. И румянец выполз на щеки просто так, без особых почти усилий. И волосы забытой волной заколыхались по спине.

Что надеть, что надеть, что надеть?..

Тряпья было полно. В этом ее супруг не ущемлял никогда. Молча доставал бумажник даже тогда, когда она его об этом не просила. Молча отсчитывал стопку бумажек и с трудно различимым: «Купи себе что-нибудь» вкладывал ей их в руку.

Она шла и покупала. Времени было предостаточно. За

день можно объездить восемь раз весь город по периметру, а уж на машине-то...

Она и ездила. Караулила распродажи, обрастая ненужными одеждами, которые ей и надеть-то было особо некуда.

Сегодня Жанна вдруг решила приодеться. К черту джинсы, пускай и фирменные. К черту брюки, хотя и идут ей невероятно. Только платье. Только выше колен. Только такое, что, как вторая кожа, облегает ее прилично сохранившуюся фигуру.

А почему нет?! Чем она хуже Даши Сушилиной, возглавляющей родительский комитет в классе у Витюни? Тем, что выше ее сантиметров на десять, или тем, что не имеет ни грамма лишнего жира, а если и имеет, то только в предназначенных для этого местах. Сколько ей, в конце концов, ловить придирчивый взгляд этой Сушилиной на себе и слышать в спину ехидный шепот, что уж на платье-то можно и разориться.

Жанна надела трикотажное платье терракотового цвета, расправила на груди, бедрах, чуть потянула к коленям. Тут же обула изящные босоножки без задников и подошла к зеркалу.

– Слушай, а ничего! – прошептала она едва слышно и растяннула губы в улыбке. – Ты еще ничего, старуха, зря кукишься! Мы еще с тобой...

Что именно она с собой собиралась сделать, Жанна не знала. Скорее всего, ничего такого, что вызвало бы эпилептиче-

ский приступ зависти у Дашки Сушилиной.

Проводит сейчас детей на линейку. Отстоит положенные сорок минут. Потом немного пообщается с другими родителями. Причем ровно столько, чтобы не прослыть мамашей-подхалимкой. Витюня строго-настрого предупредил – не сметь. А потом в машину и домой. Ребята велели их не ждать. Они после линейки пойдут к подшефным ветеранам, потом за учебниками, а потом...

От звука поворачиваемого в замке ключа Жанна едва устояла на высоченных каблуках.

Явился, называется! И это когда?! Когда детей пора в школу поднимать. Да еще... Да еще, кажется, в хлам пьяный!

– О-о-о, супруга! Привет... Прекрасно выглядишь. Ты куда-то собралась или только вернулась? – Евгений с трудом переступил порог собственной квартиры и, забыв вытащить ключ из замка, принялся пинать дверь ногами, пытаясь ее закрыть. – Чертова дверь! Жанка, закрой, а! Будь человеком.

Она-то всегда старалась быть человеком. Всегда, в отличие от него. И понимающим, и добрым, и всепрощающим. А что взамен? Взамен блудливая паскудная рожа, да к тому же пьяная.

Жанна вытащила ключ из замка, заперла дверь и, не снимая босоножек, поволокла Евгения в спальню. Там она с силой швырнула мужа на еще не убранную кровать, закрыла плотнее дверь и с брезгливостью зашипела:

– Что ты себе позволяешь, гад такой, а?! Ты мог бы хотя

бы сегодня детей проводить на линейку?! Чего тебе стоило прийти пораньше?! Неужели так трудно?! Ты мог?..

– Мог, – пьяно отозвался Женя, вальяжно развалившись на их супружеском ложе и поглядывая на жену из-под по-луопущенных припухших век. – Мог! Но не пришел! Я скотина, знаю! Гад, скотина, ублюдок, гнида... Как меня еще можно назвать, дорогая? Твой словарный запас, видимо, за минувшую ночь очень сильно истощился, поскольку я четырежды принимался икать до судорог! Не иначе ты меня тут костерила!

И он принялся дурашливо изображать, как икает. Изображал, а сам раздевался. Сначала стянул с себя пиджак. Дорогой, между прочим. Результат ее трехдневных бдений у одного из городских бутиков в ожидании сезонных скидок. Потом рубашку, которая наверняка, как всегда, пропахла чужими духами. Следом брюки, носки... трусы.

– Ты чокнулся, да?! Лезь немедленно под одеяло, ну!!!

Жанна в панике прижала дверь своей спиной, на случай, если детям вдруг заблагорассудится к ним вбежать. Обычно они этого не делали, когда знали, что отец дома, но они же не знали, что он вернулся. А шпингалет вторую неделю болтался на одном гвозде: починить-то некому.

– А я, может, не хочу под одеяло. – Женя лег поверх одеяла. – Я, может, жену свою хочу! Имею я право желать свою жену, а, Жанка? Имею! Ты же не можешь меня лишить права трахнуть тебя? Не можешь! Иди сюда, иди. Глянь, какая

ты у меня конфетка, залюбуешься просто. И где мои глаза? И чего я дома не ночую, не знаешь? А я тебе скажу, Жанка! Скажу, а ты поверь...

Все! Слушать дальше она не могла, потому как дальше начинались сплошное вранье, цинизм, а иногда и оскорбления в ее адрес. То она холодная, то надменная, то уставшая, то невеселая, а ему теплых и счастливых подавай. Он же не виноват.

– Женя, я иду будить детей. Влезь, пожалуйста, под одеяло, – попросила она тихо-мирно, не забывая ни минуты о том, что уже успела накраситься и реветь после этого как-то неумно. Поправляй после этого макияж не поправляй, Сушилина все равно заметит следы слез. – Ты поспи, а я пойду.

– Куда? – остановил ее повелительный окрик мужа. Под одеяло Женя все же влез и даже укутался почти по самые глаза.

– Отвезу детей в школу. Потом вернусь, – поспешила она добавить. – А ты поспи.

– Ладно, Жанна... Ты прости меня. – Вот это было полнейшей неожиданностью. А муж продолжил удивлять Жанну: – Я скот, я это и сам осознаю. Как покатилося все по дурацким накатанным рельсам, так... Короче, стоп-кран некому было сорвать. Ты же у меня терпимая! Другая давно бы уже по роже надавала.

– Я не умею, – прервала она, изо всех сил борясь со слезами. Уж лучше бы орал или оскорблял, чем каялся. – Я не

умею скандалить и драться, Жень, ты же знаешь.

– Знаю, – пробормотал он и неожиданно глянул на нее такими страшными глазами, что она снова едва на ногах устояла. – Прости меня, жена! Прости и возвращайся поскорее. Мне нужно с тобой очень серьезно поговорить.

Не захочешь, перепугаешься. Если бы не линейка, если бы не последний день занятий в школе, осталась бы прямо тут же, и разделась бы, и под одеяло к нему влезла бы, и...

Но нельзя. Если еще и она детей сегодня кинет, то совсем плохо будет. Ее присутствие хоть немного, да сгладит отсутствие ума и порядочности у их папаша. Заодно попотчует мальчишек хорошей новостью: отец все же вернулся. Рано утром, так это ничего. Можно сказать, что он был на очередном вызове.

– Хорошо, Женя. Я приду очень скоро, – пообещала она, выходя из спальни.

Он снова остановил:

– Жан, ты мне скажи, прежде чем уйдешь. – Женька вдруг замаялся, спрятал взгляд, даже спиной к ней повернулся, чтобы не видеть ее, что ли. – Почему ты меня не бросила, а? Десять лет почти со мной маешься, а не ушла. Почему?

Оп-па! Вот вопросец так вопросец. Не зря, не зря это тихое, пасмурное утро изначально показалось ей отвратительным. Пару сюрпризов – в образе вдрызг пьяного мужа, вернувшегося утром, и его сволочных вопросов – оно уже успело преподнести. Что дальше будет?

Почему она его не бросила? Почему, в самом деле?! Она же могла, сотню, тысячу раз могла уйти от мужа.

Родители, еще когда живы были, купили ей квартиру в самом центре. Ей и мальчишкам. Закатили дорогуший ремонт. Обставили мебелью. Не ушла...

Потом, после внезапной смерти родителей, на Жанну и вовсе свалилось громадное наследство. Что с ним делать? Она и по сей день не знает. Дом в пригороде – шикарный, просторный. Еще одна квартира в центре, по соседству с той, которую они купили для нее. Несколько солидных счетов в банке. Могла бы, ох как могла бы жить так, как ей хочется: не ожидая, не выплакивая, не проклиная. Снова не ушла...

Когда Женька окончательно распоясался и почти перестал бывать дома. Когда практически перестал притрагиваться к ней, целовать, спать с ней. Снова не ушла...

Почему?!

Она тысячу раз задавала себе этот вопрос. И ни разу на него не смогла ответить.

– Хочешь сказать, что любишь меня? – Женька снова выполз из-под одеяла. – Меня, такого гадкого, порочного, необязательного? Хочешь сказать, что любишь?!

Нет, она его не любила. В последнее время ничего, кроме пустоты, изредка тревожимой ненавистью, в ее душе не было.

– Хочешь скажу, почему ты со мной до сих пор?

– Скажи. – Ей и в самом деле стало интересно, что он сам

думает по этому поводу.

Он медленно приблизился к ней. Прижался голым телом, таким потным и пыльным, к ее новому платью и, глядя с алчной злобой, прошептал:

– Потому что ты задумала стереть меня, малышка! Стереть, как файлы, которые ты рожаеть от безделья по десятку за день и от которых потом с такой же интенсивностью избавляешься. Ты меня ненавидишь, Жанка! Я это понял сегодня ночью, только сегодня!

Глава 2

Он вдруг позвонил ей этим же днем, начавшимся так от-вратительно, и пригласил пообедать где-нибудь вместе.

Жанна даже не сразу сообразила, кто звонит, почему звонит, для чего куда-то зовет. В тот момент ей казалось, что все вокруг стремительно и с оглушительным треском рушится. Она часа два непо-движно просидела, после того как верну-лась со школьной линейки и поговорила с Женькой. Проси-дела, тупо уставившись в одну точку перед собой и почти ничего не соображая.

Женька перед этим носился по квартире, хватал какие-то вещи, комкал их неумело, распахивая по каким-то сумкам. Орал... Он все время орал на нее и обвинял в чем-то страш-ном. Жанна ничего не понимала. Ее мозг отказывался вос-принимать ту ахинею, которую нес муж. И, соответственно, противостоять этому бреду было невозможно.

– Тебе даже в свое оправдание сказать нечего! – Он при-близился к ней так стремительно, что она невольно отшат-нулась. – Вот видишь! Видишь, как ты от меня шарахаешь-ся! Это еще один признак! Признак того, что ты меня нена-видишь и мстишь, мстишь, мстишь! Ты же мне одним своим присутствием в моей жизни мстишь! Нет, ну почему ты от меня не ушла?! Тебе же было куда, Жанна!!!

Вот теперь-то она, конечно, об этом страшно жалела.

Нужно было уйти. Нужно было уйти, еще когда только Витяня родился. Тогда, когда Женька только-только начинал стервенеть. Это потом его ночные отлучки уже стали нормой. Это потом он уже не спешил оправдываться и извиняться. Поначалу ведь такого не было. Поначалу он тихонько крался по прихожей, бесшумно отворив входную дверь. Шастал на цыпочках из прихожей в кухню и хватал давно остывший ужин прямо из кастрюль и оглядывался испуганно на дверной проем: не стоит ли она там в ночной сорочке укоризненным изваянием.

Вот тогда и нужно было уходить. Глядишь, опомнился бы. Понял, что потерял, задумался и...

– Женья. – Она вдруг обрела дар речи. – Ответь мне, пожалуйста... Только правду, раз уж все так... Ты... Ты ведь не любил меня никогда, так? Ты женился на мне только из-за того, что я была единственной дочерью состоятельных родителей, так?

Ох что тут началось! Ох как он принялся сквернословить! И в ее адрес, и в адрес ее покойных родителей, и даже нетронутому их наследству досталось, которое Женька, как оказалось, в гробу видел и в белых тапочках.

Но вот что странно. Он не сказал, что не любил ее. Не сказал! Может, все же любил, а? Может, не все так плохо? Может, те годы, что казались ей счастливыми, и в самом деле были такими? Ведь говорил же о любви, говорил, и не раз. И на руках носил по лестнице с первого этажа на шестой, где

тогда жила она вместе с родителями. И цветы были, и угар от хмельных ночей под открытым небом. Они тогда...

Да, тогда у них и получился старший Антоша. Никто ни о чем не думал: ни о мерах предосторожности, ни о последствиях. Антоша этими самыми последствиями и стал. Они были рады. И Женька своей радости не скрывал. Все девять месяцев прикладывал ухо к ее растущему животу и слушал с умилением, как брыкается ножкой его еще не родившийся сынок.

Разве можно такое сыграть? Нет...

Она бы точно не смогла.

– Ты все же любил меня. – Вдруг снова подала она голос, когда он, вымотавшись от суетливой беготни по квартире, упал в кресло напротив. – Любил, и еще как! Помнишь, даже пятки мои целовал, хотя я босиком по траве бегала? Женька! Женечка мой... Куда же ты все это подевал?! На кого потратил?! Почему мы это сбереечь не смогли, а?!

– Ой, вот только давай без этого, а!!! – Его красивое лицо недовольно скривилось. – Что, когда, почему?! Миллионы семей разводятся, и ничего. Это статистика, ты же ее изучала, должна понимать.

– Это больно, Жень. – Жанна смотрела на мужа и не могла поверить, что видит его в последний раз. – Очень больно! Ты окостенел, а я... Я-то еще не успела, и я не хочу...

– Врешь, дрянь!

И вот тут произошло самое страшное в их совместной

жизни. Казалось бы, страшнее уже некуда. Ан нет! Женька – он же мастер на сюрпризы. Он и сейчас его преподнес. Подорвался с кресла, будто взрывной волной подброшенный. Сделал сильный выпад вперед, согнувшись почти пополам, и тут же без лишних телодвижений и переходов с силой ударил ее. Ударил не ладонью, кулаком. Хорошо, что удар пришелся не по лицу, а куда-то в область между виском и ухом, иначе красоваться бы недели три с приличным синяком. Вот бы Дашка Сушилина порадовалась: сегодняшнего выхода в модном платье та ей теперь долго не простит. Все то время, пока шла линейка, Дашка зеленела лицом и кусала губы. Синяк бы ее непременно порадовал. Хорошо, что Женька промахнулся.

– Ты меня ударил?! – тихо прошептала Жанна.

Она зажмурилась от боли и растерянности, сжалась в комок, и даже разрыдаться не смогла, потому что умерла как будто.

Он же никогда не смел ее трогать. Никогда! Даже в минуты самых гнусных скандалов! Когда она, не выдержав, грозила ему разоблачением, он не смел ее трогать. Дунуть в ее сторону опасался. А теперь...

Ударил ее, как мужика. Кулаком в лицо. Может, сейчас начнет бить и ногами?!

Он все еще нависал над ней, дыша ей в лицо тяжело и прерывисто.

– Глянь на меня, жена! Ну-ка глянь! – приказал Женька

властно.

Жанна медленно открыла глаза и оглядела его всего от новых носков, в которые он переоделся перед тем, как уйти. До всклокоченных волос, которые с чего-то забыл забрать в хвост.

Да, кстати... Ее муж носил длинные волосы. Господь по нелепости наградил его темными кудрями.

Нет, сначала он, как всякий нормальный мужик, занимающий достаточно высокий пост в областном Управлении внутренних дел, коротко стригся. Злился, когда парикмахерша по неопытности или невнимательности вдруг пропускала какой-нибудь завиток, и тот упрямо дыбился, выбиваясь из короткой строгой прически. Злился, возвращался в парикмахерскую, просил подправить и бегал туда в месяц по два раза. Но потом, насмотревшись всякого гангстерского дерьма и заручившись лицемерными утверждениями слабой половины человечества, что, мол, это сейчас на пике моды, это теперь круто, Женька начал вдруг кудри свои отращивать. И по мере того как они у него отрастали, он сначала заправлял их за уши, а потом принялся убирать в хвост.

Жанна сначала фыркала, возмущалась, но потом смирилась и замолчала. В конце концов, это его голова и распоряжаться ею вправе только он. К тому же этот дурацкий хвост ему жутко шел, делая и в самом деле сексуальным до одури и не таким протокольным, как короткая стрижка. Конечно, она ревновала, но не признать очевидного не могла.

Сейчас Женькины кудри в беспорядке свисали по обе стороны лица. Лицо напряженное, глаза в красных прожилках, как если бы он не спал ночей несколько или плакал. Второе, конечно же, исключается, а к первому ему не привыкать. Нервничает и в самом деле? Неужели и правда все так плохо, и он ничего не выдумал, бегая тут перед ней и собирая вещи?

– Смотри мне в глаза и отвечай! – снова приказал Женька и больно ухватил ее пальцами за подбородок. – Где ты была минувшей ночью?!

– Дома, Женя. Я клянусь тебе, что была дома. Я уже говорила тебе!

Ей было больно оттого, как он держал ее, как смотрел сейчас на нее, о чем спрашивал. В его вопросе не было и тени ревности. Ревнуют того, кого любят. Он ее не... А ведь так и не ответил на ее вопрос, стервец.

– Я спрашивал у консьержа, он сказал, что ты выходила из подъезда в начале первого ночи и вернулась почти через час. Он что же, врет, по-твоему?! Отвечай, где была это время?! Отвечай, или я!..

Он снова замахнулся. Жанна перепугалась, согнулась, спрятав лицо в коленях, и звонким от страха голосом закричала:

– Я была дома! Дома, дома, дома! Оставь меня в покое или... Или я сейчас вызову милицию, дурак!!!

Сначала было тихо. Потом его ступни в новых носках (она подглядывала сквозь щелку между пальцев) медленно

двинули напрямиком из комнаты. Да еще обе сумки, которые Женька собрал, странным волшебным образом подскочили с пола и, нервно запарив в воздухе, тоже последовали за его носками.

Он взял сумки, мелькнуло у нее в голове. Сейчас он уйдет. И никогда больше не вернется.

Будь у нее силы, она точно побежала бы за ним вдогонку. И упала бы в ноги, обняла бы, прижалась бы и принялась просить. Просить прощения за все то, чего не совершала. Просить не уходить, не бросать ее одну, не оставлять, когда все так плохо. Она точно сделала бы все это, но сил не было. Она ничего не чувствовала: ни рук, ни ног, ни тела, ни сердца. Ничего, кроме тупой ноющей боли в том месте, куда он ударил. Ах да, еще подбородок ныл от его пальцев. Все остальное благополучно отмерло. Как было догонять его в таком невозможном состоянии? Как можно было просить прощения или вообще просить его о чем-то?

Он ушел, хлопнув дверью. Наверное, так принято уходить, подумала Жанна. Она все так же сидела, согнувшись и пряча лицо в коленях. Уходя, непременно нужно сжечь все мосты, наговорить кучу дерьма, ударить, чтобы не появилось нечаянного желания вернуться. А напоследок непременно хлопнуть дверью. Отсечь бездушным деревянным прямоугольником себя теперешнего от себя прошлого. Отсечь непременно с грохотом, чтобы грохот этот долгим набатом гудел в ушах.

Жанна выпрямилась, откинулась на спинку кресла, оглядела комнату и застыла.

А потом раздался телефонный звонок. Она знала, что это не Женька. Он ни за что теперь не позвонит. Это она тоже знала. И трубку брать не хотела. Зачем? Но потом все же ответила и несколько томительных минут слушала, как ее приглашают пообедать вместе.

– Что? Пообедать? – повторила она вслед за знакомым, казалось бы, голосом, но таким чужим и ненужным сейчас, что хоть плачь.

– Да, Жанна, пообедать. Существует такая необходимость у людей – иногда употреблять пищу. И время приема этой пищи называется по-разному. Иногда это завтрак, иногда обед... – не удержались от ехидства на другом конце провода. – Ты чего там?... Что-нибудь случилось?

Ну вот что ответить? Что?! Что жизнь закончилась с уходом Женьки? Что перед тем, как уйти, он обвинял ее в чудовищных вещах?! Будто не верит и никогда не верил ей?! И что она сама не знает, что для нее страшнее: его уход или его недоверие.

Ее не поймут, это точно.

Перво-наперво потому, как она сама неоднократно изумлялась (вслух причем), почему до сих пор продолжает жить с ним. А потом, если смысла в совместном проживании нет, можно ли мучиться оттого, что тебе не верят? Глупо, наверное. А она мучилась! Он вот ушел и будет думать теперь, что

все это она подстроила, что только она во всем виновата. А она ведь...

– У меня все в порядке, – твердо ответила Жанна, когда абонент сделался нетерпеливым и повторил свой вопрос трижды. – Все нормально, Виталь.

– Да? А мне показалось, будто голос у тебя какой-то расстроенный. Так как насчет обеда? У меня как раз свободное время есть, а, Жан?

Свободное время... Свободное время для нее конкретно. Подумаешь! У нее теперь его завались, времени этого. Его и раньше было девать некуда, хоть консервируй вместе с огурцами, которыми с дури забивала полки в гараже. А теперь... Еще через два дня и мальчишки уедут, тогда вообще хоть волком вой.

– Слушай, а через два дня у тебя найдется для меня время, а?

Она сначала спросила, а потом подумала: зачем она его об этом спрашивает. Подумала и тут же поняла, почему именно, и ее понесло:

– Может, мы с тобой отдохнем где-нибудь недельку-другую, Виталик?

– Мы?! С тобой?! Неделку?! Другую?!

Он именно так и говорил, втискивая по огромному вопросительному знаку между каждым своим словом. Огромному такому, жирному вопросительному знаку, который округлой головкой упирался в ствол такого же жирного восклицатель-

ного.

– Да, а что? Ты не готов так сразу? – ее несло на крыльях глупой безнадежности. – Зачем тогда позвонил неделю назад? Зачем на обед сейчас приглашаешь? Не поверю ни за что, что для деловой беседы.

– Если даже и так, что такого, – огрызнулся он, но беззлобно, скорее озабоченно.

– Для того, чтобы звонить, нужен повод, так?

– Допустим.

– Вот я и допускаю, что позвонил ты мне по той простой причине, что все еще маешься чувством ущемленного самолюбия. Это, кстати, плохой вариант моих рассуждений.

– Есть и хороший? – снова яду в голосе на трехлитровую банку.

– Ага! Сказать?

– Валяй!

– А хороший вариант – это тот, что ты меня по-прежнему хочешь. Потому и предлагаю тебе уехать куда-нибудь на пару недель. К чему тратить время и деньги на долгое окучивание, обеды, цветы... Финал-то один. – Она немного помолчала и, не дождавшись ответа, закончила с горечью: – Или я что-то перепутала снова, а? У тебя и в самом деле ко мне чисто деловой интерес?

Виталий молчал непозволительно долго. За это время она десять раз могла бы положить трубку и снова застыть в позе опечаленного Сфинкса, только что раздавленного подозре-

ниями и участием брошенной жены. Он чем-то гремел, чем-то шелкал, чертыхался и ворчал неразличимо. Потом все же произнес:

– Ничего ты не перепутала, Жанка! Ничего!!! Я по-прежнему хочу тебя, выходи на улицу, я в машине под твоими окнами.

Глава 3

Виталя, Виталик, Витальча...

Она любила его когда-то. Вернее, думала, что любит, и счастливо пребывала в подобной уверенности до тех самых пор, пока ее не охмурил Женька Масютин.

Правда, она, в отличие от Витальки, не считала, что Масютин ее охмуряет. Наверное, поэтому Виталя всячески стремился оградить их от общения друг с другом. Стоически выдерживал ее недовольство, когда она вдруг в самый последний момент могла передумать и отказаться от приглашения на вечеринку или от похода в театр или кино. Спокойно сносил ее слезы, когда ему вдруг взбрело в голову перенести воскресный выезд за город на следующие выходные.

Держал руку на пульсе, как говорится, и не расслаблялся. Особенно когда в непосредственной близости начинал балагурить Масютин.

Расслабился Виталик лишь однажды, и, как оказалось впоследствии, зря.

Это были... Это были те несколько дней перед их бракосочетанием – ее и Виталика.

Жанна до сих пор не могла понять, как все это могло произойти тогда. Сначала спонтанно возникший спор из-за того, кто кому подходит и кому с кем следует уживаться. Потом пятиминутная ссора с неизменным надуванием губ и жела-

нием остаться в одиночестве. Следом часовой подхалимаж Виталика, который только что на уши не вставал, лишь бы снискать ее расположение.

И вот как-то все шло-шло само собой. Все, как обычно, безо всяких отклонений в сторону. Сначала она тихонько улыбнулась, потом позволила себя приобнять, следом даровала всепрощающий поцелуй. А закончилось неожиданно тем, что они впопыхах забежали в ЗАГС, причем перед самым его закрытием. И впопыхах, давясь от непонятного судорожного какого-то смеха, заполнили бланки заявлений на регистрацию брака.

Потом так же бегом выскочили оттуда, рассмеялись в полный голос и, не останавливаясь, помчались к ее родителям рассказывать.

Папа был счастлив. Мама расплакалась, поцеловав Виталика в начинающую лысеть макушку. А Жанна не знала, как ей сейчас надлежит выглядеть, потому что ничего в тот момент, кроме растерянности, не испытывала.

Что она только что сделала?! Подала заявление в ЗАГС, кажется. Так принято. А зачем, собственно?!

Ну да, они давно знакомы. Вместе ходили в школу, потому что жили в соседних подъездах. Вместе потом посещали лекции в институте и даже вместе подумывали о написании докторской. Спорили над темами тоже вместе. Но вот... любит ли она его?! Казалось, что да. Он всегда под рукой, удобный такой, ненавязчивый. Всегда с ней нежен, никогда

ни к чему не принуждает. И если она сказала, что сегодня не расположена оставаться у него дольше положенного времени, значит, он шел провожать ее до двери шестого этажа, что располагалась в соседнем подъезде. Шел молча, подавив в себе все инстинкты и желания. Она тогда почти не задумывалась, что порой причиняла Виталику просто физические мучения, доводя до иступления, а потом отталкивая. Поняла много позже, просветившись со своим многоопытным Женечкой Масютиным.

– Жанна, что-то не так? Ты не выглядишь счастливой, детка? Может, ты поторопилась?.. Может, стоит еще немного подумать?..

Эти вопросы она слышала от родителей весь последующий месяц, который проскочил, будто день один. Она заведенной куклой моталась с Виталиком и родителями по магазинам, мерила платья, шляпы, туфли, нанизывала на пальцы кольца, белоснежные тончайшие перчатки, учила какие-то нелепые тексты поздравлений и обращений. Все с каким-то отстраненным спокойствием. Будто это все игра, а не подготовка к собственной свадьбе.

Нет, все-таки наверху кто-то постоянно следит за нами. Может, это один кто-то за всеми сразу следит, а может, на каждого из нас по одному. И вот от того, насколько этому смотрящему бывает скучно или весело, у нас все и складывается. Если ему весело, то все у нас складывается просто отлично. Если скучно, грустно или гадостно, то и у нас все

начинает спотыкаться через раз.

В тот день, когда Виталика его руководство вдруг решило отправить в недельную командировку перед самой свадьбой, этих небесных надсмотрщиков собралось там, видимо, как раз с чертову дюжину по одну ее, Жаннину, душу. Они там, наверное, спорили, вздорили, голосовали, возможно, а потом все же пришли к единому мнению.

Короче, Виталик в командировку уехал. В этот же день отца вызвали в соседний район на сложнейшую операцию, мать отправилась следом, поскольку всегда его сопровождала. Жанна осталась одна.

Она полдня блуждала по огромной родительской квартире. С изумлением рассматривала коробки, свертки, шуршала упаковками. Все это были либо подарки, либо ее приданое, либо предметы ее туалета. Потом раза четыре подходила к свадебному платью, которое своими громоздкими кринолинами заняло половину гостевой комнаты. Трогала нежнейшую ткань, чуть отступала и снова смотрела с удивлением.

Это все ее?! Неужели? А зачем? Замуж собралась? Кажется, да. Непонятно как-то!

В подобном состоянии изумленного ничегонеделания Жанна пробыла до самого вечера.

Пару раз поговорила по телефону с Виталиком. Он, бедный, очень переживал, очень! И что оставил ее одну, и что прямо накануне свадьбы, и что, кажется, не успеет сказать ей много важного и нужного, что собирался сказать именно на

этой неделе. Потом позвонили родители и тоже очень долго сокрушались, что пришлось оставить ее в одиночестве. Что-то там у отца пошло не так с его пациентом, и задержка одного дня грозила вылиться в недельную.

Жанна как-то очень быстро смирилась с собственным одиночеством. Стыдно признаться, но даже порадовалась, что у нее появится время все как следует обдумать и настроиться. К тому же со следующего понедельника ее как бы не станет уже. А на свет божий появится некая новая Жанна, с которой она пока не знакома и с которой, пока неизвестно, уживется ли...

Вечером, изрядно истомившись от пустоты, собственных прогнозов и опасений, она решила приготовить ужин. В конце концов, она без пяти минут замужняя дама, ей придется чем-то потчевать собственного мужа, а готовит она гадко. Можно даже сказать, что и вовсе не умеет готовить. И вот решив, что начинать рано или поздно ей все равно придется, и почему, собственно, не сегодня, Жанна пошла на кухню. Выволокла из холодильника мясо, овощи, выложила все это горой на рабочий стол и с тоской уставилась.

Не прельщало, хоть убей. Не прельщало муслякаться с перемороженным куском говядины, очищать коренья, кромать их на разделочной доске. Потом все это как-то соединять, обжаривать, чего-то куда-то добавлять по вкусу. Бр-рр, совсем не хотелось.

Решив, что для начала мясу следует разморозиться, а ей

ознакомиться с каким-нибудь рецептом (нельзя же просто так начинать стряпать, не имея об этом ни малейшего представления), Жанна позвонила своей подруге. Наташка через неделю в роли свидетельницы должна была вести ее в ЗАГС.

Они проболтали минут сорок, совершенно позабыв и про рецепт, и про свадьбу. Сплетничали, вспоминали, хохотали, а потом вдруг Ната и говорит:

– Женька-то с ума сходит, представляешь!

– Женька? Какой Женька? – Жанна сразу поняла, какой именно, прикидываться начала из непонятого чудачества. – Это не тот, что вечно в мятых рубашках и вонючих носках?

– Ладно тебе! – фыркнула Ната. – Скажешь! Масютин Женька! Я же вас с ним знакомила. Помнишь, еще давно. Виталик тогда еще жутко занервничал. Я поначалу не поняла почему...

– Я тоже, – вставила Жанна, слушая подругу с непонятым смятением.

– А потом проследила за его взглядом и... Оказалось, что он с Масютина глаз не сводит. Масютин с тебя, а Виталик с Масютина! И потом я заметила, каждый раз, как Женька с нами увязывался, Витальча твой непременно находил предлог, чтобы вам там не быть.

– Думаешь, он ревновал? – удивилась Жанна.

Она могла упрекнуть Виталика в занудстве, излишней прагматичности, полном отсутствии романтизма и еще в чем-нибудь скучном и неинтересном, но чтобы в ревности!

Нет, он же никогда ни словом, ни взглядом.

– Ага, станет он тебе давать повод думать о Масютине! Ведь что получится? Скажет он тебе о внимании со стороны Женьки, к тому же более чем пристальном, ты сразу прищешься о Масютине думать. А задумываться тебе нельзя, так ведь?

Ната неплохо ее знала. Точнее, знала очень хорошо. С пятого класса сидели за одной партой. И пускай не всегда доверяли друг другу свои сердечные тайны, но это ничего не меняло. Просто зачастую этого и не требовалось. Все читалось по глазам, по настроению, по репликам.

– Станешь задумываться, сразу начнешь их обоих оценивать, сравнивать, и тут, кто знает, выстоит ли Виталик наш в этих сравнительных баталиях против Масютина! – продолжила развивать эту тему Ната, совсем не обеспокоившись тишиной в трубке.

А тишина-то была зловещей. Так, во всяком случае, казалось самой Жанне.

Значит, Масютин?..

Женька Масютин питал к ней какие-то чувства?! Черт бы побрал все на свете! Почему она узнает об этом последней, почему?! Она же... Она же о нем даже мечтать боялась. И улыбалась глупо, когда тот по нечаянной случайности останавливал на ней взгляд. И сердце у нее подпрыгивало в такие моменты так, что казалось: еще немного, и начнет колотиться о зубы. Губы сами собой расплзались в стороны и не же-

лали слушаться и возвращаться обратно. Ноги прирастали к полу, и хотелось... До скрежета зубовного хотелось, чтобы он подошел и заговорил с ней. А когда однажды он подошел и заговорил, она едва сознание не потеряла. Так и простояла минут десять – все то время, что Женька говорил, – будто под вакуумный колпак втиснутая. Все видит, понимает, а не слышит и сказать ничего не может. Он ушел, глянув на прощание с обидой и непониманием. Жанна тогда сильно расстроилась, и даже поплакала чуть-чуть в своей постели на сон грядущий. Надо же было выставить себя такой идиоткой! Что он о ней теперь думает?!

И вот теперь, оказывается, Масютин думал о ней очень даже неплохо и даже почему-то сходит с ума, узнав о ее свадьбе и...

– Где он, Ната? – для чего-то спросила Жанна, перебив веселое стрекотание подруги, которая продолжила развивать тему Женькиных достоинств.

– Кто?! Женька, что ли?

– Что ли...

– Он это... Он у меня сейчас, – обронила та едва слышно после паузы. – Минут пять как зашел. Пробежал чисто случайно мимо. А что?

– Дай ему трубку, – потребовала Жанна, и, когда в ухо ей ударил странно незнакомый и до судорог желанный голос, она сказала всего одно слово: – Приезжай...

Это было похоже на сумасшествие.

Нет, это и было самым настоящим помешательством, причем буйным.

Когда под утро она обвела гостевую комнату затуманенным взглядом, наткнулась на свадебное платье, тут же посмотрела на чеканный профиль Масютина на соседней подушке, то именно так и подумала: она сошла с ума. Причем окончательно и бесповоротно, без всяких шансов на выздоровление, потому что только теперь поняла, что не может выйти замуж за Виталика. Что она не любит его, не хочет его. Ей не нравилось, оказывается, как он ее гладил, целовал, раздевал. И именно из-за этого у нее постоянно начинала болеть голова, тянуть низ живота, сводить поясницу, а не из-за действительного физического недуга. Предлог, черт возьми! Она всегда искала предлог, чтобы избежать с ним близости. И радовалась всякий раз, когда он, проводив до двери, оставлял ее наконец в покое.

– О чем думаешь? – вдруг спросил ее совершенно несонным голосом Женька, даже не повернув головы в ее сторону. – Жалеешь?

– Нет, – честно ответила тогда Жанна, нашла на одеяле его руку, подняла к своему рту и поцеловала. Ни в одном кошмарном сне ей не снилось, что она целует ладонь Виталика. – Просто не знаю, как теперь быть. Я вроде сподличала. Так?

– Угу, – согласился Женька, и его подбородок чуть сместился вниз. – И ты, и я. Мучаешься?

– Не знаю, что и сказать. – Она растерялась, не найдя в

своей душе ни единого намека на угрызение совести.

– Как есть скажи.

Он определенно хотел от нее что-то услышать. То ли важным для него было услышать обо всем сначала от нее. То ли лень ему было самому проявлять инициативу, то ли вообще не считал это нужным. Потом она именно так и думала, по прошествии нескольких совместно прожитых лет. Тогда показалось иначе. Тогда ей показалось, что он ждет ее решения. Решения важного для них обоих, и она сказала:

– Я не хочу с тобой расставаться, Женечка!

– Так и не расставайся, – запросто так ответил он и, оттолкнувшись правым локтем от постели, навис над ней. – Возьмем и удерем.

– Как это? – Жанна пыталась поймать в сумраке зарождающегося дня выражение его глаз и понять, шутит он или нет. – Как это удерем, а свадьба?

И тут же ужаснулась, поняв, что он может неправильно расценить ее слова. Он может подумать, что она насильно затягивает его в брак. Коли скомкано с одним, нельзя упускать второго. Так вот она подумала и затараторила, затараторила, поспешив оправдаться.

Масютин слушал, не перебивая. Все так же, нависнув над ней и держась на одних локтях, внимательно слушал.

– Все? Закончила? – спросил Женька, когда ее силы иссякли вместе с красноречием. – А теперь слушай меня внимательно и запоминай... Мы сделаем именно так, как ты то-

го захочешь. Захочешь уехать, прямо сейчас побегу за билетами.

– Куда?

– А, все равно куда... – Его губы потянулись к ее шее. – А захочешь, пойду с тобой в ЗАГС вместо Витали.

– Как это?!

Вот тут она и в самом деле ужаснулась тому, что натворила.

Господи! Какой позор! Что скажут друзья, гости, родители? А Виталик! Бедный, несчастный Виталик! Он-то чем виноват? Тем, что оставил ее всего на день, а она сразу...

– А так! Мы с ним вместе подъедем к твоему дому на машинах. Которую ты выберешь, в которую усядешься в этом вот платье... – Масютин дотянулся до белоснежного подола и чуть подергал. – С тем и на регистрацию! А, как тебе?

Ей было так себе. Все смахивало на бразильскую мелодраму в духе девяностых. Безутешный Сан-Педро, счастливый Хуанито и обойденная умом Мария...

– Нет, так нельзя, – сказала Жанна тихо, но твердо. – Я не могу так поступить с Виталиком.

– Да ну! – насмешливо протянул Масютин и принялся своим бедром раздвигать ей ноги. – Как ты не можешь с ним поступить, Жанночка? Бросить у алтаря? А то, чем мы с тобой занимались почти всю ночь, это как? Это не поступок? Это девичник, так, что ли? Ты уж определись, миленькая моя, кого и чего конкретно ты хочешь. Определись и...

Ей вдруг стало так стыдно, так мерзко, от правды его, голой и уродливой. Уродливой оттого, что голой, и оттого еще, что за версту воняет безрассудством.

– Жень, а ты хоть любишь меня? Вот замуж зовешь, а любишь?

– Не любил бы, не пришел бы. – Масютин оставался самим собой в любых ситуациях, он и тогда ответил ей именно так: неопределенно, размыто, сама догадывайся.

– А-а-а, тогда ладно. Тогда... Тогда я в ванную, пожалуй. – Жанна выбралась из-под него, он не очень-то и противился. Видимо, почувствовал перелом в ее настроении. Замоталась в покрывало. Дошла до двери и сказала: – Я в ванную, а ты, Женечка... А ты уходи.

Он не задал ей ни единого вопроса. Не попытался возмутиться или призвать ее хоть к нелепому, да ответу. Масютин промолчал, а когда она вышла из ванной, его уже не было.

Ну и пускай! Пускай уходит! Пускай она будет одна, без него, зато... Зато у нее есть Виталик. Виталик, о господи! Она же изменила ему. Она предала...

Жанна билась головой о подушку, на которой до этого возлежала кудрявая голова Женьки, и безутешно рыдала. Рыдала и на второй, и на третий день. К четвергу немного успокоилась. А в пятницу приехали родители вместе с Виталиком. И все снова засуетилось, задвигалось, заулыбалось вокруг нее. Все куда-то отошло в сторону: и угрызения совести, и саднящая боль от невозможности все как-то изменить,

сделать все более удачным и складным.

Жанна успокоилась и ночь с пятницы на субботу, вопреки всем правилам, провела у Виталика. Родители, как ни странно, не выразили недовольства. Может быть, поняли, в каком невообразимом смятении находилась их дочь всю минувшую неделю. Может быть, просто приняли позицию современной молодежи, плюющей на все условности. Лишь бы молодым было хорошо.

Виталик же был безмерно счастлив. Излишне возбужден. Необузданно сексуален и напорист. И уснул оттого почти мгновенно.

А Жанна, запершись в ванной, едва ее будущий муж мирно засопел, проревела почти до утра.

Ната оказалась, как всегда, права: Виталик проиграл в сравнении. Проиграл по всем показателям. И теперь Жанне нужно было с этим научиться жить, принимать все, как есть, и даже стараться выглядеть счастливой.

Как только на улице начало светать, она оставила Виталику записку со словами извинения и пошла собираться за него замуж.

Пока ей делали прическу, маникюр, пока прилаживали на голову фату и шнуровали платье, он звонил раз сорок, наверное. И все-таки, не выдержав, явился раньше назначенного времени. Сердце у него, что ли, чувствовало...

В ЗАГС они поехали все же в разных машинах. Здесь свидетели были непреклонны. Потом вместе поднялись по сту-

пенькам. Вместе ступили на огненно-красный ковер. Добре-ли на негнущихся ногах до стола и усталились на красивую женщину, опоясанную торжественной лентой.

Женщина была очень красивой, это Жанна запомнила. Еще запомнила зеленое трикотажное платье с вшитой по бо-ку молнией. Один из шовчиков чуть подпоролся, и молния с этого края выползала наружу, сильно портя впечатление от красоты женщины и от той торжественности, с которой жен-щина произносила свою речь.

О чем она говорила, Жанна не знала. Она ее попросту не слышала, будто кто-то посадил ее под ватный кокон.

Очнулась Жанна, когда женщина, вдруг сделавшись до-нельзя таинственной, произнесла:

– Если есть препятствия, мешающие этим двум молодым людям вступить в брак, то прошу сообщить о них прямо сей-час...

Повисла неприятная пауза, в течение которой мозги Жан-ны медленно тлели в огне припозднившегося раскаяния. К которому опять-таки примешивалось изумление.

Разве так принято говорить в наших ЗАГСсах? Разве за-дают у нас подобные вопросы? Обычно такое, она слыша-ла, существует в католических церквях. И слышала, и не раз в фильмах видела. Но чтобы в России задавались подобные вопросы?! Так же не бывает!

– Если существуют препятствия... – повторила настырная работница ЗАГСа. – Прошу...

– Есть одно препятствие! – вдруг звонко раздалось с задних рядов.

Жанне даже голову не нужно было поворачивать, чтобы посмотреть, что это за умник.

Масютин, конечно же, кто еще!

Женька медленно шел по коридору из оторопевших человеческих тел к тому месту, где застыли помертвевшие Жанна и Виталик. На нем была новая пиджачная пара, белоснежная рубашка, в руках букет, прическа волосок к волоску, рот растянут в улыбке. Правда, глаза встревоженными казались, но это так – детали.

Во всем остальном он был ослепителен. Глядя на него, вообще можно было подумать, что Масютин явился на собственную свадьбу.

– Препятствия существуют! – повторил он, приблизившись к ним, и, отеснив правым плечом от нее Виталика, встал по левую руку от Жанны.

– О каких препятствиях речь? – не дрогнув лицом, спросила работница ЗАГСа.

– Эта женщина любит меня! – с наглой самонадеянностью заявил Масютин и взял Жанну под руку.

Воздух за ее спиной слабо колыхнулся от всеобщего изумленного «ах».

Виталик тут же занервничал, забегал. Принялся оттаскивать Масютина от нее, выдергивать ее руку из Женькиной. Даже оттолкнуть его пытался, но все бесполезно. Женька

держался за нее очень крепко и на ногах стоял твердо. Безуспешно попрыгав, Виталик был вынужден занять место с правой стороны от Жанны. И он, так же, как и Масютин, схватил ее руку и втиснул себе под мышку.

Ситуация была на грани абсурда. В центре невеста с лицом – краше в гроб кладут. По бокам – по жениху. Оба нарядные, с твердыми намерениями затащить ее замуж, и оба держат ее под руки.

Жанна слышала, как где-то сзади тихонько причитала мать. Ей в унисон вторил отец, недовольно приговаривая про времена и нравы. И постепенно зал регистрации покрыл гул голосов. Кто-то возмущался – в основном сторона оттиснутого жениха. Кто-то недоумевал – это гости со стороны Жанны. А кто-то попросту улюлюкал – это уже их общие друзья включились, отнеся это к разряду клевых развлечений.

Молчаливыми оставались только четверо присутствующих в зале – невеста, оба претендента на ее руку и сердце и регистраторша.

Потом последняя, поочередно оглядев каждого, с тяжелым вздохом спросила:

– Как будем разруливать ситуацию, господа брачующиеся?..

Разрулили, что называется!

До сих пор никак в поворот не впишутся ни она, ни Женька, ни... Виталик.

Как это он обо всем догадался? И о том, что Масютин пе-

рестал быть ей мужем, а их общим детям отцом. И о том, что давно и стабильно бегают на сторону. И о том, что теперь, вот прямо теперь наступил, кажется, самый критический момент в их отношениях.

А может, и не догадывался Виталька? Может, знал? Знал и наблюдал давно и пристально, а? И как только почувствовал, что вот наступило – пора, – так сразу и позвонил, напомнил о себе...

Жанна не стала переодеваться, хотя до чесотки хотелось стянуть с себя платье и сбросить босоножки на тонких высоких каблуках, и втиснуться в привычные джинсы, куртку, и обувь кроссовки. Не переделалась. Вышла на улицу в том же, в чем и линейку в школе отстояла.

Вышла, покрутила головой по сторонам, заметила на парковочной площадке перед домом темно-зеленую «десятку». И сразу же пошла к ней.

– Привет, – вяло пробормотала Жанна, усаживаясь на переднее сиденье.

– Привет. – Виталик сидел к ней вполоборота и внимательно разглядывал ее всю: от каблуков до макушки. Вздохнул, насмотревшись, и пробормотал, как показалось, с сожалением: – Прекрасно выглядишь.

– Спасибо. Ну что, поехали?

– Куда? – Он завел машину и медленно тронулся на первой передаче. – Заказывай, увезу хоть на край света. Он ведь так тебе обещал в тот день, когда украл у меня? Ладно, не

хмурься. Я десять с лишним лет в себе это носил, и все молча, все молча. Даже жилетки рядом ничьей не оказалось, чтобы выплакаться. Никому же не нужно было мое нытье.

– А мне, ты считаешь, нужно? – фыркнула Жанна, отворачиваясь к окну.

– Не нужно, но ты просто обязана это все выслушать, потому что дико виновата передо мной, – объяснил Виталик в свойственной ему нравоучительной манере, выехал со двора и, влившись в плотный поток машин на проспекте, сразу прибавил скорости. – Ты бросила меня в ЗАГСе и убежала. Сбежавшая невеста! Нашумевший сюжет для Голливуда, но не для российской глубинки, дорогая. Тем более в то время. Знаешь, а надо мной смеялись, да! И пальцами вслед показывали. И жалели... Одна из твоих подруг из жалости даже собственную постель предлагала.

– И что ты? – Ей было неинтересно, но все равно спросила, коли уж ему выпала нужда поплакаться, пускай развлекается, она потерпит.

– Отказался, – буркнул Виталик и тут же засопел недовольно.

Все прямо как с ней сейчас, подумалось Жанне невесело. Они как будто поменялись местами с Виталиком. Только он тогда был ни в чем не виноват, а пострадал. Она же теперь страдает потому, что была виновата тогда. Пришло время платить по счетам.

Виталик, остановившись ненадолго на светофоре, вдруг

взял резко влево, потом еще и еще раз свернул. Выехал на параллельную проспекту улицу Зайцева и поехал в сторону окраины.

– Куда мы едем? – спросила Жанна, когда частокол многоэтажек начали менять домики пониже, а потом и вовсе за окном замелькали заборы частных строений.

– Ко мне на дачу, – коротко пояснил Виталик.

– А-а-а, понятно. Пока жена на работе, мы на...

– Я не женат! – возмутился Виталик, нервно вильнув по дороге, благо что движение не было интенсивным. – Разве ты не знала? Пытался, но... Но второй Жанны для меня просто никто не произвел на свет. И не надо на меня так смотреть! Да, милая, да! Я по-прежнему люблю тебя! Люблю и хочу! И сейчас я постараюсь тебе это доказать...

Они едут к нему на дачу с вполне определенной целью, отстраненно подумала Жанна, невольно подбирая под сиденье ноги, на которые Виталик беспрестанно косился, то и дело забывая о дороге.

Он везет ее туда, чтобы уложить в свою холостяцкую постель. Узнал о ее семейных проблемах. Может быть, даже видел, как Женька уходит с двумя сумками. Тут же позвонил, ну пускай не тут же, но позвонил. И сразу, не откладывая дела в долгий ящик, повез ее трахать.

Господи! Ну о чем она думает?!

Виталик же, как интеллигентный человек, только приглашает ее пообедать. Она сама создала эту ситуацию, предло-

жив ему удрать. Теперь сидит и пытается найти изъян в его поведении, хотя ошибки совершала и совершает только она. Одна за всех.

Жанна глянула на него украдкой, пытаюсь рассмотреть по-лучше.

Он почти не изменился, ее неслучившийся муж, даже плешинка на макушке не разрослась, оставшись такой же – размером с маленькое чайное блюдце. Не изменился и не постарел, посерел, может быть, немного. Да, цвет лица точно нездоровый какой-то, землистый. Может, устает, может, болеет. Хотя ни морщин, ни мешков под глазами не наблюдается. Вторым подбородком и брюшком тоже не обзавелся. По-прежнему подтянут, пожалуй, слишком даже. В одежде, как всегда, консерватор. Темные брюки, в тон брюкам ботинки, рубашка в мелкую полоску, верхняя пуговица расстегнута. Такое ощущение, что он и не переодевался последние десять с лишним лет.

Ничего не изменилось, ничего...

– Ты тоже по-прежнему красива, – вдруг обронил Виталик задумчиво и свернул у ближайшего указателя на грунтовку. – Как я по-прежнему сер, так ты по-прежнему красива... Почему ты сделала это, Жанна?! Почему?! Ты же знала, что семьянин из него никакой! Знала, что одной женщиной он никогда не будет довольствоваться, и все равно помчалась за ним. Я до сих пор помню твой сдавленный смех, когда ты сбежала следом за ним по ступенькам ЗАГСа! Он до

сих пор звучит у меня в ушах, этот твой идиотский смех!!!
Уж прости, что я так!..

Зря она все же с ним поехала, вдруг подумала Жанна, продолжая его рассматривать теперь уже в открытую, не прячась.

Что ждала, что хотела получить взамен кем-то украденной у нее Женькиной любви? Что?! Копию не получившегося счастья? Так вряд ли оно получится. Виталя, судя по всему, не простил ее и не простит.

– Ты не обижайся, милая, – вдруг обронил он вкрадчиво и мягко, сворачивая по грунтовке к лесу. – Я поною немного, потом это пройдет. Ты потерпи. Слишком много всего накопилось во мне. Слишком долго я терпел. Кому-то и когда-то мне надо было все это излить. Время пришло...

Глава 4

Масютин сидел на самом краешке скрипучей гостиничной кровати и, спрятав лицо в ладонях, тихонько скулил. Старые пружины койки дружно поскуливали ему в ответ. Ветер раскачивал оцинкованную вывеску, и все это сопровождалось отвратительным унылым скрипом. В довершение по гостиничному коридору протащилась горничная со своей тележкой, колесики которой повизгивали будь-будь.

Тоска... Тоска, пришибающая к земле, ну хоть вешайся.

Он глянул из-под скрещенных пальцев на свои волосатые ноги в крупных мурашках.

Замерз он, что ли? Странно, что ничего не чувствует: ни холода, ни жара, даже привычного для такого случая похмеля не ощущает. Только боль въедается в душу. Боль вперемишку с тоской, хандрой, страхом и гнетущим ожиданием чего-то еще более страшного.

Хотя и так уже под завязку, куда еще?!

Масютин откинулся назад, намереваясь облокотиться спиной о стену, но не рассчитал – больно стукнулся головой. Тут же выпрямился и стремительно полез на кровать с ногами. Со стоном закутался в тонкое клетчатое одеяло. Потом вдруг замолчал, осторожно выглянул наружу и с болезненным изумлением обвел взглядом гостиничный номер.

Господи, помилуй! Это снится ему? Что он здесь дела-

ет? Что забыл в этой дешевой гостинице, койка в которой сдается по триста рублей за ночь? Разве здесь ему место?! Ему! Женьке Масютину – баловню судьбы, любимцу женщин, фортуны и его величества случая!

Как он мог так... облажаться, придурок?! Как мог вляпаться в такое дерьмо, причем обеими ногами?! И увязнуть в нем, и тонуть день за днем, ночь за ночью...

Ладно – сам, семью подставил!!!

Пацанов было жалко, даже больше, чем себя и жены. Жалко и стыдно перед ними. Поэтому и не пришел вовремя, и надрался как извозчик, заведомо задумав не идти с ними вместе на линейку.

Вдруг там встретился бы тот, кто все знает?! Вдруг подойдет и спросит у Жанки, к примеру? А она, как оказалось, ни сном ни духом...

Черт! А может, врет?! Может, это она?! Ревнивая баба – это же очень страшно. А когда ревнивая баба десятилетие держит свою ревность в узде, не позволяя ей вырваться наружу, это страшнее тройне!

Она сказала, а он поверил! Снова придурок. Разве можно бабе верить?! Разве можно...

И тут, снова вспомнив события минувшей ночи, Масютин захныкал. Какая-то странная влага, очень похожая на слезы, застлала глаза. А спазм, крепко сцапавший за горло, подкрался к легким, тиская их и сжимая с такой силой, что дышать стало просто невозможно.

Кто?! Кто мог убить ее?! Она же такая... Такая маленькая была, юная, совсем еще девочка! А этот мужик, что погиб вместе с ней, – почему он?! Почему он?.. Почему этот мужик был с нею, если еще неделю... Нет, не неделю, еще пару ночей назад он – Женька Масютин, – а не кто-то гадкий и чужой, держал эту малышку на руках и...

Масютин с силой вцепился зубами в край одеяла и завыл. Завыл с надрывом, с пугающей его самого безысходностью, потому что вдруг понял, что жизнь-то все – закончилась. Ничего теперь уже хорошего с ним не будет и быть не может. Все, во что верил еще сорок восемь часов назад, благополучно похоронено прошлой ночью.

– Эй! У вас там все в порядке? – в дверь осторожно стукнули раз, другой, помолчали немного и снова спросили: – Может, помощь какая нужна?

– Нет, спасибо, – еле выдавил из себя Масютин. Ответил, чтобы отстали: – Помощь мне не нужна.

Помощь?! Какая к черту помощь?! Что они могут?! Если даже сам Господь сейчас бессилен, что могут простые смертные?! Они способны только... только убить, уничтожить, сжечь. Они могут только это. Это им по силам, а созидать... Созидать – слишком проблематично, слишком обременительно и для падших душ, и для бранных тел.

Масютин завалился на спину, вытянулся струной на кровати и замер, вперив пустой взгляд в потолок.

Почему он сегодня ушел из семьи, собрав вещи? Почему?

Ну-ка, ну-ка, покопайся в себе, Женек, подумай хорошенько, почему же ты сегодня ушел от жены? А-а-а, боишься признаться! Правда сокрушающе страшна, так? Именно! Именно...

Когда ввалился утром в квартиру и обнаружил Жанку такой красивой, такой здоровой, такой секси, то понял, что видеть ее такую вот великолепно живую просто не в силах. Он понял, что может не выдержать: сорвется и просто-напросто убьет ее. Может, может, точно может.

Почему нет? Вернее, почему она жива, а его Светки... Его Светули, Светланки, Светика больше нет?! Почему не наоборот?! Жанка продолжит топтать землю своими красивыми породистыми ногами, доставать его упреками, требовать внимания к себе, внимания к мальчишкам – их детям, а Светка... А Светка ничего этого не сможет и не сможет теперь уже вообще ничего, даже дышать. Жанка сможет, а Светка – нет! Несправедливо, блин. Несправедливо, противно и горько до тошноты.

Он все же не выдержал и ударил ее, хотя хотелось не только этого... Хотелось вцепиться ей в горло и душить, душить, душить... Душить с такой силой, чтобы Жанна хрипела, извивалась, молила о пощаде и не выглядела такой потрясающей и не несла ереси про любовь и давно забытые поцелуи. Тогда он и ушел, хлопнув дверью. Даже сам не знал куда. Он и дороги-то не помнил вовсе, таксист вез по заказу. Не помнил, как оформлялся, подсовывая в треснувшую по краям

стеклянную амбразуру оконца администраторши свой паспорт. Не помнил, как вошел, разделся, как сел, качнувшись на пружинах. А вот потом...

Потом все началось. Замелькали, запрыгали перед глазами воспоминания. Тогда-то он и заскулил, обхватив лицо руками, тогда-то только и понял, в какой чудовищный житейский переплет попал.

Глава 5

– Жень, ты где? – Из сонного забытья Масютина вывел голос Гаврикова Ильи, дежурившего в ту ночь в отделении. Тот позвонил ему сначала на мобильный.

– Я в кабинете, – отозвался Масютин и с шумом зевнул прямо в крохотную трубочку. – Перезвони.

Илья тут же скинул звонок и набрал Женькин кабинет.

– Чего это ты так задержался? – поинтересовался Гавриков без особого интереса, когда Масютин снял трубку.

Многие знали, что Женька неохотно возвращается домой, если вообще возвращается. И ночные вызовы почти всегда осуществляли по мобильной связи, чтобы понапрасну не тревожить семью и воображение домашних. Раз звонят и вызывают, значит, муж не на работе. Если не на работе, то где тогда?..

– Дела, – лаконично ответил Масютин, отсекая все возможные подступы к своей личной жизни.

Ага, щас, рассказал он вам все, как же! И о том, что договорился сегодня ночью встретиться со Светланкой. И о том, что условились встретиться по звонку. А где еще он может ждать ее звонка, как не в рабочем своем кабинете, не дома же, на диване, и не на улице?! Квартира съемная по графику сегодня им не принадлежит. Их дни: понедельник, среда, пятница. Среда только-только началась. А машина тре-

тью неделю в автосервисе. Жанка ее туда загнала, не иначе нарочно это сделала, стерва, все вроде бы работало...

– Ну, коли ты у нас сегодня доступен и бодрствуешь, собирайся, Иваныч, – обрадованно произнес Илья, тут же поясняя: – ЧП у нас, Евгений! Еще какое ЧП!

ЧП вообще-то было у него, подумал тогда Масютин с раздражением. Он задремал и незаметно для себя проспал почти половину ночи. А спать не должен был! Должен был встретиться со Светкой, которая почему-то так и не позволила, блин. Это вот ЧП, а что у них там...

– А у нас, Иваныч, дачка одна полыхает добрую половину ночи. – По голосу Гаврикова можно было подумать, что тот потирает руки от садистского удовольствия. – Теперь, наверное, уже и допыхала, раз в нас нужда определилась.

– Дачка? Чья? Что там? – Масютин похлопал себя по карманам в поисках сигарет и зажигалки, курил редко, почти всегда только перед вызовами, а тут, как на грех, все карманы оказались пустыми. – И где это произошло?

– Докладываю во всех подробностях, пока машина остальных по городу подбирает. За тобой приедут в последнюю очередь, ибо... Ибо по дороге. По дороге всем вам. – Гавриков рассмеялся.

Женька тут же приуныл. Коли собирают всех в кучу: от следаков, прокурорской братии до экспертов, – дело дрянь. Дело на весь остаток ночи. А ему может Светка позвонить. Позвонит непременно, куда она денется! Чертовское невезе-

ние...

Масютин снова широко зевнул, невольно прислушиваясь к селекторному шуму в дежурной части. Гавриков там с кем-то разговаривал и снова, стервец такой, умничал, похохатывая.

– Дача, Жень, в сорока километрах от города. Поселок выстроился каких-то пару лет назад. Сразу за лесом и деревней Субботино. Дача принадлежит... угадай!

– Вот я щас спущусь в дежурку и так тебе угадаю! – вяло пообещал Масютин, то и дело поглядывая на мобильник – может, Светка позвонит все-таки.

– Удобному, Иваныч! Дачка принадлежит Удобному! И по всей видимости, кокнули нашего братка, Жень!

Кто не знал Гаврикова, мог бы подумать, что малый совершенно безбашенный. Звонит начальству, балагурит, никакой субординации, никакого почтения в голосе. А дело все было в приятельских отношениях Гаврикова и Масютина. Причем очень давних и очень надежных. И прикрывали они друг друга, если что не так в семье или по службе. И выручали не раз и деньгами, и просто помощью. Потому и позволял Илья себе подобные вольности в ночное и свободное от высокого руководства время.

– Удобного кокнули?! Да ты че, Илюха!!! Ничего не перепутал?!

Удобный... В быту и по паспорту – Удобнов Степан Васильевич, сорока лет от роду, не судим, но неоднократно

задерживаемый по подозрениям во всех имеющихся смертных грехах. Когда-то возглавлял одну из самых влиятельных бандитских группировок в городе. Потом, после очередного привода, приуныл, притих и, как поговаривали, стал сотрудничать с представителями силовых структур. Сотрудничество пошло Удобному на пользу. Его благосостояние, нажитое пускай не совсем праведным путем, резко приумножилось. Дела полезли в гору. Бывшие соратники обрядились в пиджачные пары скромных, не режущих глаз оттенков. Поснимали с себя цепи, пушки, обзавелись семьями и принимали активное участие в благотворительных городских акциях.

Конечно, это была всего лишь видимость. Все, кому надо, это понимали. Но хоть не стрелялись да разборок прилюдно не устраивали, и то ладно. А что шалют ребята втихую, так о том кому надо опять-таки известно. Со стыдливого благословения Удобного, поговаривали, не одно темное дело с теневиками было раскрыто. И то ведь ладно, и то ведь польза. И тут вдруг...

– Я ничего не перепутал, – обиделся Гавриков, снова отвлекшись на вызов. Потом опять соединился с Масютиным: – Дачу подожгли. В доме обнаружено два трупа: мужчины, предположительно хозяина дачи. И женщины. Поэтому вас и собирают, ребята. Так вот...

Собратья все смогли минут через сорок. Заехали за Женькой и потом еще минут сорок колыхались сначала по

трассе, а следом по грунтовке, ухабисто ныряющей по лесу и деревеньке Субботино. Лица у всех были хмурыми, говорить никому не хотелось, кто-то подремывал, досматривая последний сон, прерванный неурочным подъемом с постели.

К месту происшествия – то есть к пожарищу, подъехали, когда непроглядная темень на востоке потихоньку обнажила высветившуюся кромку горизонта. Пожарные к тому времени уже свернулись, но не уезжали, дожидаясь приезда милиции.

– Привет, Жень, – поздоровался с ним командир пожарного расчета Алеша Варганов. – Разбудили? Видишь, какое дело... Если бы пораньше позвонили, может, и успели хоть какие-то следы сохранить. А так...

Двухэтажный дом Удобного утопал в диких сиреневых зарослях.

Прямо как на кладбище, недовольно поморщился Масютин. Аккуратные бетонные дорожки вспарывали по периметру заросшие сорняком газоны. По всему было видно, что благоустройством Удобнов Степан Васильевич занялся совсем недавно и начал как раз с укладки этих самых дорожек.

Масютин поднырнул под ленту ограждения и медленно двинулся по одной из дорожек к дому. Алеша Варганов шел следом, докладывая с виноватым недовольством в голосе:

– В доме почти и не пострадало ничего. Ничего, кроме спальни. Там все выгорело. По всему, очаг возгорания находился именно там.

– Причина? – спросил Масютин, не поворачивая головы, и остановился возле закоптившейся от пламени двери.

– Пока трудно судить. Экспертиза покажет. Может, уснули в дымину пьяные, а бычков полная пепельница была. Может, электробытовые приборы замкнуло. Магнитофон там или обогреватель. Только чудится мне, что это поджог. Убийством пахнет, Женя.

– Тоже мне, специалист, – недовольно буркнул Масютин и потянул на себя дверь. – Не опасно?

– Да нет. Говорю же, ни перекрытие, ни крыша не пострадали. Ничего не пострадало. Ничего почти, кроме спальни. Горело-то недолго. Дыма, правда, много было. Видимо, мебель мягкая чадила. Сейчас ведь везде один полиуретан, а он и горит, и коптит... Что-то подгорело, что-то залили. Забирать отсюда вряд ли что его жене придется, но сам дом цел. Входи, не бойся.

Масютин и вошел. Следом за ним потянулись другие прибывшие. Сразу рассредоточились там, где кому положено быть. Кто-то зашуршал бумагами, намереваясь писать протокол осмотра места происшествия. Кто-то защелкал фотоаппаратом, кто-то, как вот он, например, просто всматривался и давал указания.

Спальня, откуда начался пожар, находилась на втором этаже. Она и в самом деле выгорела сильно, но не настолько, чтобы не заметить останки двух человеческих тел.

– Мужчина и женщина, – шепнул на ухо Варганов, не от-

стающий от него ни на шаг. – Предположительно, хозяин дачи Удобнов и одна из его любовниц.

– А может, жена? – Масютин старательно дышал через рот, боясь хватануть через нос тошнотворного запаха горелой человеческой плоти.

– Нет, это не жена. Жена нам и позвонила. Ей сообщили соседи по даче, а она уже нам. В истерике. Должна скоро подъехать.

– Ну, ну... – загадочно обронил Масютин.

Ему очень не хотелось лазить среди обгорелых останков чьей-то мебели, ходить по стеклянным осколкам, с карамельным хрустом лопающимся под подошвами ботинок, что-то искать, откапывать из кучи пепла доказательства и при этом стараться выглядеть бесстрастным. А он не был таким! И его выворачивало от всего этого. И глаза он упорно отводил от смертного ложа этих двух несчастных.

Что они уснули, оставив непогашенными окурки, Масютин не верил. Что включали обогреватель, когда за окном плюс двадцать по ночам, тоже. Кто-то очень удобно избавился от Удобного, в такое вот очень удобное для всех время. Когда господин Степан Васильевич предавался утехам в собственной спальне собственной дачи.

Кто это мог быть, например?

Да кто угодно, господа! Желаящие простояли бы в очереди неделю, так ее и не дождавшись.

Удобного могли убить партнеры по бизнесу. Это ведь сей-

час в порядке вещей – убить, когда не хочется ни с кем делиться, так ведь?..

Мог убить кто-нибудь из давних друзей, которых из благих побуждений и припертый к стенке властями Удобнов помог отправить за решетку.

Могла мстить жена за многочисленные измены. Мог мстить муж той женщины, которая сейчас буквально превратилась в мумию, судорожно стиснув на груди обгорелые останки рук. Если она, конечно, была замужем. Но если даже и не замужем, у нее мог быть, к примеру, дружок.

Масютин вздохнул с глубокой печалью.

Короче, поле деятельности без линии горизонта. Только успевай качать версии и обрабатывать их потом...

– Смотрите, какая интересная штучка! – вдруг радостно воскликнул эксперт и засветился, словно майское солнышко, рассматривая найденную им штучку. – Глянь, Женек, преинтересная штуковина! Кажется, даже с гравировкой. Какая красота! Какая удача! Вам, парни, не придется даже париться, устанавливая личность потерпевшей. Кулончик-то у нее аккурат на шейке был. Вовочка над ним поколдует и, возможно, имечко с фамилией вам и преподнесет на тарелочке с голубой каемочкой. Ох что с вас со всех за это будет!..

Эксперта, балагура и весельчака Вову Жими́на обожали все без исключения. Даже брезгливая не в меру Наташа Ростова – старший следователь убойного отдела, и та могла смело взять из его рук кусок пирога и, не поморщившись,

доесть за ним. Маленький, кругленький, с вечно веселыми глазами и хорошим настроением, Вова Жимин любил повторять:

– Не цените вы жизни, братва! Ой не цените! Как бы нагляделись на изнанку-то ее в том объеме, в котором я на нее люблюсь, так заценили бы, да...

И вот сейчас Жимин держал в пинцете что-то отдаленно напоминающее тоненькую веревочку. Но это была не веревочка, уцелела бы она в огне, как же. Это была цепочка, золотая, по всей видимости, поскольку почти не пострадала. А на цепочке болтался закоптившийся изрядно неправильной формы кругляшок, кулон, стало быть.

Ему бы радоваться, Женьке-то Масютину, – вещественное доказательство, как-никак, да какое, а он побледнел. Побледнел и словно к обгоревшему полу прирос. То, о чем он подумал, то, что молниеносно родил его исстрадавшийся без Светки мозг, ему страшно не понравилось. Назовите это предчувствием, прозрением или еще какой-нибудь чертовщиной, но Масютин смотрел, вытаращив глаза, на закоптившуюся безделушку и не в силах был сдвинуться с места.

– Глянь-ка, Женечка, какая затейливая игрушечка. – Вова на коротких ножках подкатился к Масютину колобком и сунул ему под нос пинцет с извивающимся металлическим шнурком. – Смотри, я-то думал, что это медальон в виде обычного круга, а это...

– А это медальон в виде солнца. Круглого солнца в ореоле

лучей. – И как он выговорить-то сумел, не рухнув в обморок и не заорав во всю мощь своих легких. Выговорить, взять из рук Вовы пинцет с цепочкой и отойти со всем этим добром к окну.

– Ну да, ты прав, Женечка. – Жимин семенил за ним следом, впившись взглядом в безделушку. – И в самом деле, будто солнце и лучи от него.

Свет...

Света, Светланка, Светуля...

Это для нее по его заказу изготовили этот кулон. Для нее и только для нее, ни для кого больше. Второго такого не было и быть не могло, так утверждал ювелир. Пускай недорогая штучка, но затейливая. И гравировка там имелась с ее именем и фамилией и романтической припиской о лучах света, в которых он...

Умер бы он прямо там, что ли! Умер и не чувствовал бы ничего больше – ни боли той чудовищной, ни страха...

Только убедившись в том, что это ее вещь. Что он не ошибся, не обманулся в своих подозрениях и опасениях. Что это именно тот медальон, который он подарил Свете на ее день рождения, который только неделю назад как отпраздновали. Только тогда Масютин вернул вещественное доказательство Жимину обратно. Вернул и, по-прежнему старательно избегая взглядом растерзанную пламенем кровать, пошел, слегка пошатываясь, к выходу.

– Эй, Женя, ты чего это? – окрикнул его Вова, убирая ку-

лон с цепочкой в пластиковый пакетик. – Ты куда? Мы же только начали. Сейчас будем девицу смотреть.

– Что-то мне нехорошо, Вован, извини. Пойду, глотну воздуха.

Объяснение вполне устроило всех, кто находился в спальне. Тошно было не ему одному. Следом за Масютиным кто-то еще вышел, он не видел и не понял, кто именно. Правда, этот остался на первом этаже, за ним не последовал.

Он вышел на улицу, снова поднырнул под опоясывающей дом сигнальной лентой. Дошел до самого дальнего угла дачной усадьбы и, только скрывшись из виду всех, кто работал на пожарище, упал. Упал в бушующий цветением сиреневый куст. Странно, как не оцарапался и глаза себе не выдрал. Что-то сберегло его, понять бы, что именно.

Он больно ударился плечом, но почти этого не почувствовал. Завалился на бок, подтянул коленки до самого подбородка и с силой зажмурил глаза.

Хотя лучше бы он этого не делал. Тут же перед глазами замелькали жуткие картинки обгорелой спальни, покореженной пламенем кровати и двух человеческих тел, облизанных пламенем до неузнаваемости.

Она же... Она же такая красивая была. Беленькая такая вся, маленькая. С самыми прекрасными на свете голубыми глазищами, что смотрели на него почти всегда со смесью мольбы и восхищения.

– Женечка, миленький, а можно мне...

– Женечка, любимый, пожалуйста, позволь мне...

– Ты не обидишься, если я...

Господи! Все же чисто было! Чисто так, что чище не бывает! Он даже с Жанкой перестал в кровать ложиться, лишь бы их любовь не испохабить. Он же на полном серьезе собирался жить с ней. Собирался разводиться с Жанкой, чтобы сделать Светке предложение. Хотя она никогда и не просила его об этом. Никогда! Даже не намекала. И разговоров о будущем никогда не вела. Она и мечтать-то не смела, зная, что у него жена имеется и двое пацанов! Или...

Или совсем не в этом дело?! Или дело все в том, что Светка не собиралась связывать свое будущее с ним, а? И он для нее был чем-то вроде забавной игрушки для взрослых? Большой красивый дядька, длинноволосый, вечно загорелый и смелый, да еще с пушкой под пиджаком. У него всегда про запас находилось с десяток всяких разных историй, от которых испуганно сжималось ее юное девичье сердечко. Чем не игрушка для взрослой девочки, любящей фильмы про Дикий Запад и Матрицу.

Светка, Светка, как же так-то?! Как же ты могла так глупо закончить свою неначатую жизнь?! Ты же ничего в этой жизни не видела, кроме боли, холода, лишений и унижения. Ты же только-только начала верить во что-то. И верить начала только благодаря ему – Женечке.

Или ложь все?! Ложь и вранье?! И не была она пугающе хрупкой и до прозрачности ранимой? А просто...

Не-е-ет, нет, это неправда! Эта гнусная проза жизни не про нее! Она любила его! Любила, обожала, боготворила. А то, что с ней случилось, это... Это чье-то хорошо спланированное преступление, жертвой которого стала и она тоже.

Кому-то очень нужно было убрать с арены Удобного, оставив его кончину таким вот традиционным способом, нацепив на него клеймо старого развратника и сластолюбца, а девчонку могли просто силой притащить и уложить к нему в постель. Конечно, силой, ни за что не стала бы Светка связываться с таким чмом, как Удобный! И не просто силой, ее могли напоить – раз, могли вколоть какой-нибудь дряни – два, да просто-напросто обмануть могли – три. Она же по наивности его пацанам в подметки не годилась. Иногда взрослая, взрослая, а потом вдруг как выдаст что-нибудь эдакое – хоть стой, хоть падай.

Сказать, что подобное умоzakлючение немного привело его в чувство, было бы кощунственной поспешностью. Но в кипящей мешанине его черных мыслей вдруг четко обозначился узкий светлый коридор. Масютин с болезненным кряхтением встал на четвереньки, потом развернулся, уселся на землю и тут же принялся лихорадочно отряхиваться.

Нельзя, чтобы коллеги видели его таким. Нельзя ни в ком будить подозрений. Если заподозрят – дело труба. Могут от дела отстранить – в лучшем случае. В худшем – под статью подвести. У него же мотив имелся для убийства, да еще какой – ревность! Это ведь его девчонка легла в постель с этим

безобразным жирным ублюдком, а не кого-нибудь другого. Попробуй им потом докажи, что она не сама, а кто-то поспособствовал. Засмеют! Засмеют и потом все равно посадят.

А ему нельзя на нары! Ему надо найти эту мразь, которая лишила жизни его Светку, а его самого лишила всякой надежды на совместное с ней счастье. Найти и... сжечь так же заживо, как он сжег его девочку. Ни о каком правосудии речи нет и быть не может, это Масютин решил для себя твердо. Он или они сдохнут так же – в огне.

Со стороны дороги раздался визгливый скрежет тормозов, затем захлопали дверцы. Потом несколько человек почти бегом процокали по бетонной дорожке, ведущей прямо к крыльцу. И минут через пять истеричный визг вспорол предутреннюю тишину сонного дачного поселка.

Приехала жена Удобного, сообразил Масютин и осторожно раздвинул сиреневые ветки. Теперь можно и выбираться без опасения быть застигнутым за неподобающим его чину и положению занятием. Горевать больше нельзя, могут заметить, потом начать догадываться, а следом и подозревать.

Масютин выбрался из кустов, еще раз отряхнулся и пошел по дорожке в обход дома, будто бы внимательно разглядывая землю и примятую траву.

Занятие было глупым и совершенно бесполезным. Пока тушили пожар, утолкли всю дачу в радиусе тридцати-сорока метров. Одних пожарных было человек десять. Плюс кое-кто из соседей подтянулся с рассветом. Да и свои особо не

стереглись, сновали по участку. Каждый второй курил, так что и с окурками полный провал получался. Но Масютин все равно старательно делал вид, что что-то ищет, хотя ни черта не видел. Земля плясала перед глазами рваным зеленым пятном, изрубцованным серыми шрамами бетонных дорожек.

Скорее бы уж! Скорее бы уж вся эта церемониальная канитель заканчивалась и их развезли по домам. Домой он, конечно, не пойдет, но хоть побудет в одиночестве. И даст волю своему горю, которое рвалось сквозь стиснутые зубы и невыносимо жгло глаза...

– Бутылку водки, – повелел он, сразу же по приезде забежав в дежурный магазин на углу собственного дома. – Бутылку водки, минералку, пачку сигарет, зажигалку и...

– И что еще? – Продавщица, совершенно чумная от бессонной ночи, тарасила на него покрасневшие глаза.

– И еще апельсин, – вдруг сказал Масютин, хотя никогда не закусывал водку апельсинами.

Апельсины любила Светка. Любила вдыхать их пьяняще тропический аромат. Любила растирать между ладоней горьковатую цедру. Любила есть их. Сначала сосредоточенно обдирала пористую кожуру и складывала ее в сторонке. Потом делила апельсин на дольки, нарочно вонзаясь длинными ногтями в мякоть, а потом, уливаясь сладким соком, осторожно откусывала от каждой дольки по крохотному кусочку. Она могла полчаса есть один апельсин, а то и дольше. Ела и не могла насладиться.

Он всегда покупал ей апельсины, всегда. Сегодня вот зачем-то себе купил, хотя и знал, что не притронется к нему. Просто не сможет проглотить, когда Светка...

Масютин медленно шел по своему двору, с тоской разглядывая окна их дома, казавшиеся в молочном утреннем свете мертвыми глазницами. Свет еще нигде не горел, все досматривали последние сны, с сонной небрежностью развалившись на подушках.

Жанка тоже, наверное, спит. Спит и даже во сне ждет его возвращения. И пацаны тоже ждут. А он ведь никуда с ними не пойдет сегодня, потому что идти не в состоянии. Идти, улыбаться, отчаянно фальшивя, классным руководителям и по-отечески строго грозить младшему, когда он особо расшалится. Он не сможет, точно. А вдруг кто-то из знакомых, коллег вздумает подойти и про ночной пожар спросить, что тогда?! Он не в силах будет сыграть равнодушие. Он не сумеет быть недоступным для Жанкиного пристального прозрения. Она моментально догадается, что что-то не так.

Пройдя мимо своего подъезда, он дошел до угла дома и повернул по тропинке налево. Миновал детские качели с лестницей. Черт возьми, еще пару лет назад подсаживал на эту лестницу Витька, смеялся с ним наперегонки и думал, что это и есть счастье, а теперь...

Он прошел мимо всего, и мимо воспоминаний о своей семье тоже. Дальше стройными рядами шли металлические гаражи. Возле них Масютин и притулился со своей бутылкой

водки, минералкой, сигаретами и апельсином, который никто и ничто, наверное, не заставит его съесть.

Присев на корточки и прильнув дорогим модным пиджаком к шершавому ржавому железу чьей-то «ракушки», Женька в два приема ополовинил бутылку, хлебнул для порядка минеральной воды, хотя совсем даже и не почувствовал привычной горькой крепости, и жадно затянулся.

Сейчас... Сейчас вялый туман окутает его воспалившийся от непереносимого горя мозг, и ему, может быть, станет полегче. Перестанет мелькать перед глазами улыбающееся личико Светки на фоне обгорелых останков того, что когда-то ею было. Перестанет трястись нутро от чудовищной боли, и корчить его, может быть, тоже перестанет. Корчит же, еще как корчит! Как вспомнит...

Масютин снова приложился к горлышку бутылки, громко глотнул пару раз, облил рубашку, черт бы с ней, и снова закурил.

Вот что за дерьмо эта жизнь, а?! Почему если везет, то во всем и сразу. А уж если начинает трясти, то все – пипец – трясет по всем направлениям.

Светка умерла. Умерла страшно, забыв сказать ему самое главное – любила ли она его. Всегда была мила, чистосердечна, искренна, открыта, ласкала его так, что он стонал в полный голос, не стесняясь соседей сверху и снизу на их съемной квартирке.

Умерла, забыв рассказать до конца всю историю своей

нелепой крохотной жизни в неполных двадцать лет. Он знал, что она воспитывалась в детском доме. Знал, что существовала какая-то тайна ее рождения или похищения, так ведь и не уточнил, не до того было. Еще знал, что имя и фамилию ей дали там же – в детском доме. Нарекли Светланой Светиной, потому как на вопрос: «Чья ты?» она все время твердила, что она – своя.

Ничего он о ней толком не знал, жеребец чертов. Любил, брал, когда хотел, лелеял, а вот узнать толком не успел. А она ведь однажды как-то обмолвилась...

Масютин даже с корточек встал, вспомнив тот вечер месячной давности.

Был конец апреля, на улице было пасмурно. Она приехала раньше его и к хилому отоплению добавила мощную струю теплого воздуха от дорогого обогревателя. Потом приготовила что-то. Расстелила постель. Сняла брюки и ждала его, сев по-турецки в центре кровати.

Масютин был тогда страшно благодарен за ее терпеливое ожидание, за нехитрый ужин, тепло, которым она наполнила квартиру к его прибытию. Он сильно замерз тогда, проторчав на выезде под дождем полтора часа.

Потом еще повздорил с Жанкой по телефону, которой не терпелось примерить на него новый блейзер. Ну не дура! У его ног труп стынет, группа вся выездная пересобачилась от усталости, холода, дождя и желания поскорее смыться по домам, а она со своим блейзером...

Поднимался по лестнице на съемную квартиру страшно усталый, злой, небритый и слегка попахивающий потом. Последнее его особенно раздражало, но на исправление не было просто времени. Он вошел, швырнул прямо на кровать пакет с апельсинами и принялся разуваться.

Потом Светка заставила его вымыть руки и навалила целую гору мелко наломанных спагетти.

– Ешь, Женечка! Это вкусно, с маслом и сахаром!

Он ел, и ему нравилось. Правда нравилось. И спагетти эти, которые она зачем-то наломала, залив растительным маслом и посыпав сахаром. И тишина, и тепло, и то, что она лопала апельсины, вся, как ребенок, перепачкавшись соком.

А потом Светка шутила, смеялась, бросалась в него шкурками от апельсина и все твердила, что скоро станет богатой, потому что она наследница. Он смеялся вместе с ней и совершенно не слушал. Все спешил, все торопился поскорее стащить с нее ее немудреный свитерок и заштопанные на пальцах капроновые колготки.

А послушать надо было. Что за наследство? Откуда богатство? Не оттуда ли ноги произрастают у сегодняшней трагедии?..

Масютин поднял полупустую бутылку на уровень глаз и легонько ею поболтал. Водки осталось грамм сто пятьдесят не больше, а он трезв как стекло. Ни спиртное, ни курево, ничего не спасает. Тут еще апельсин все глаза промозолил, и зачем брал?!

Он допил все до последней капли и отшвырнул бутылку в сторону. Потом шагнул вперед и неожиданно качнулся. Надо же! Он, кажется, надрался до чертей, сам того не заметив. Станный только хмель какой-то, не такой, как обычно. Ноги не слушаются, а голова ясная. Правильнее, все помнит, а хотелось забвения. Да, и еще со зрением не все так ладно, как ожидалось. Коли видеть, так видеть все, а не видеть, так ничего. Почему же тогда, черти бы всех задрали на свете, картинка двора, дом, хилая аллея тополей вдоль покоцанной машинами тротуарной дорожки – все это размазалось грязным пасмурным пятном? А вот апельсин видится четко. Масютин мог поклясться, что видит сквозь толстую пористую шкурку, сколько там внутри ароматных долек. И даже видит, как вонзаются в сочную пахучую мякоть тонкие нежные пальчики...

Чертовщина, скажете? Может, и так, только боль от его видений была жуткая. Такая, что задирай голову в небо и вой волком.

– Здорово, Женек. Чего это ты с утра пораньше?

Масютин долго пытался сфокусировать взгляд на мужике, который его окликнул. Вот еще некстати вывалился. Откуда в такое время?

– На рыбалку я, – пояснил мужик, хотя Масютин, кажется, его и не спрашивал. – А ты чего это, спрашиваю?

– С-служба такая... – сильно шепелявя, произнес Женька и, едва держась на ногах, двинулся к своему подъезду.

А там его, как всегда, ждала жена, которой вдруг именно сегодня, именно после такой страшной для него ночи, вдруг приспичило непременно узнать: а любил ли он ее когда-нибудь...

Глава 6

Потолок над Женькиной головой не разверзся, не рухнул на него. И грудная клетка не разорвалась, хотя бурлило там внутри с вулканической мощностью. Даже голова, кажется, обрела хоть какую-то способность соображать. Перестала ныть и задаваться одним-единственным вопросом: «Почему все это с ним случилось?..»

Какое-то время он лежал, вытянувшись под одеялом, потом встал. Походил по номеру в одних трусах, замерз и принялся одеваться. Одевшись, вдруг понял, что голоден. Может, и не голоден, только желудок отвратительно посасывало, и срочно требовалось проглотить хоть что-то, хотя бы чашку чаю.

Чая в номере не было, да и откуда подобный сервис за триста рублей в сутки? Надо выходить на улицу, искать какое-нибудь кафе – на ресторан денег не было, или... Или брать сумку в зубы и отправляться домой.

Вот домой дико не хотелось. Во-первых, он как бы ушел от нее – от жены в смысле. Во-вторых, видеть Жанку было выше его теперешних сил. А ну как снова начнет прилипать: любил не любил...

Масютин подошел к окну и выглянул из-за шторы на улицу.

Гостиничный двор был заставлен грузовыми машинами.

А по узкому проходу между глазастыми кабинами сновали мужики в спецовках. Стало быть, он определился на постой к дальнобойщикам. Номер у него трехместный, не иначе часа через полтора кого-нибудь да поделят, а общество ему сейчас нужно как щуче зонтик. Нет, съезжать все же придется.

Вернув штору на место, Масютин принялся собираться. Посовал по сумкам то, что успел раскидать по пустым полкам шкафа. Когда это делал, в каких попыхах, одному богу известно?! Потом вышел из номера и побрел гостиничным коридором к окошку администратора: нужно было сдать ключи. Та сидела на привычном месте и тарабанила по телефону. Правильнее, мусолила на все лады последнюю городскую новость: пожар на даче Удобного. Сенсация же, чего не поговорить!

Женька нехотя прислушался.

– Да ты что!!! Бедная женщина! Сколько он ей крови попортил, Степка этот, так и издохнуть как человек не смог! С шалавой, говоришь... Вот удар так удар для бедной Риточки. Ага... Да ты что?! Ой... Да, а ты знаешь, он, говорят, давно с этой паскудой путался. Рита рассказывала моей сестре, они дружат, знаешь... Так вот, она мне говорила, что девка эта у него не случайная. Вроде любовь там какая-то, давняя, да!..

Масютина словно гвоздями к полу прибили. Он стоял, в обеих руках по сумке, и, широко распахнув глаза, слушал болтливую администраторшу, которая, оказалось, каким-то боком знакома с женой Удобного. Пускай не сама лично, а

через какую-то сестру, но...

Факт оставался фактом: про девушку, что погибла на пожаре на даче Удобного, знали многие. Их отношения не являлись секретом ни для кого. Нет, его-то как раз никто в расчет не берет. Он тут при чем? Подумаешь, любил эту засранку, что с того!.. А вот для остальных это не секрет. Даже для этой вот болезненного вида администраторши, сильно смахивающей на огромную моль. Даже она откуда-то знала, что Удобнов давно и прочно зафрахтовал его Светланку. Ах да, от сестры!..

Не было бы личной в том корысти, ох уж он эту моль потряс бы сейчас! Ох устроил бы ей сейчас допросец с пристрастием, но... нельзя, батенька. Сразу спалишься. Сразу у коллег возникнет вопрос: какого черта торчал в гостинице для дальнобойщиков? Номер снимал, с чего это вдруг? С женой повздорил, ударил ее, решил развестись?..

Прозрачно все, очень прозрачно.

Нет, заходить нужно совершенно с другого бока. Здесь ему больше делать нечего. Главное он узнал: Светлану никто не опаивал, никто силой или под дозой к Удобному в постель не тасил. Она сама! И по слухам, там было чувство.

Твою мать, а!!! У них было чувство! А как же он?! С ним-то что?!

– Номер хочу сдать, – просипел он через силу, когда администраторша, прервав ненадолго поток сплетен, воззрилась на него с нескрываемым раздражением.

– Так скоро?

– Вам-то что. – Масютин все же не выдержал, нагрубил, швырнул на стойку ключи и быстро ушел, чувствуя спиной ее алчный интерес к своей растрепанной персоне.

Потом, почти ничего не видя, шел по узкому коридору, образованному большегрузными машинами. С кем-то пару раз столкнулся плечами. Кого-то даже, кажется, послал. Вникать не было ни сил, ни желания. Спешил...

Там же, за покосившимся гостиничным забором, поймал такси и поехал в центр.

Улица Гирина, куда вдруг решил поехать Масютин, шла параллельно проспекту, который, в свою очередь, венчался перекрестком, там был его дом, где он жил со своей семьей. Улица Гирина была недлинной, ее и улицей-то поспешили назвать, переулок скорее. Ну, назвали и назвали, ему-то что. Еще к тому же с десятков девятиэтажек туда впихнули. В средней, пятой по самому центру, и снимали они квартиру со Светкой. Правильнее, они снимали там три дня в неделю: понедельник, среду и пятницу. В остальное время эта хата принадлежала кому-то еще. Кому именно, не знали ни Светка, ни он. Да и не интересовались они никогда.

– Не вы одни страждущие, – пояснила женщина, которой по виду можно было дать как тридцать пять лет, так и все семьдесят. – Другим тоже охота, так что пододвинуться придется.

Пододвигались.

Сегодня была как раз среда, странно, что он не вспомнил об этом, когда ехал в гостиницу на окраине. Среда – их со Светкой день.

Он вышел на проспекте, намереваясь пройти до Гирина пешком. Заглянул для начала в кафе, но, даже не успев пересечь фойе, пулей вылетел оттуда. Слишком шумно, слишком много народу, слишком оживленно. Не подойдет.

Через квартал от кафе должен быть универсам. Так себе магазинчик. Хирел на глазах, будто чахоточный. Товар подолгу залеживался на прилавках, покупателей мало, все широченными шагами наострились через дорогу, туда, где совсем недавно выстроился гипермаркет, в котором секции были шириной с ту самую улицу Гирина.

Масютину не нужны были первоклассные сосиски с горячим хлебом и разрекламированным до хрипоты соусом. Ему нужно-то штуки три беляша, пускай даже и остывших, а этого добра всегда в издыхающем универсаме было полно. Пакет кефира и... Нет, вот теперь никакой водки. И апельсинов он точно брать не будет. Хватит, насмотрелся до мозолей в глазах. Теперь он немного посидит, подумает, а к вечеру можно и домой податься. Он, в конце концов, полноправный хозяин своего жилища. К тому же у него там сыновья имеются. Они через пару дней улетают, надо хоть побыть с ними.

Масютин недобро улыбнулся самому себе. Трусливый подонок. Нашел время пацанами прикрываться. Нет, хотя бы себе признаться, что от тошноты и ломок хочется в свой дом,

где всегда есть что пожрать, где поспать и где его всегда почти, кажется, ждут. Нет же, о сыновьях вспомнил...

– Девяносто семь рублей восемьдесят пять копеек, – как будто нехотя пробубнила кассирша и тут же вызверилась, продолжив: – Ищите без сдачи, мелочи у меня нет!

Ясно, надо отдать сотню и валить подобру-поздорову, чтобы вслед тебе не шипели и не смотрели, как на последнего жлоба. Хотя ради смеха можно было бы порыться в кошельке и наскрести ей... Только не до смеха ему сегодня, совершенно не до смеха.

Масютин сунул ей сотню, подхватил покупки, сумки и вышел на улицу. Немного постоял на ступеньках, с недоумением посматривая на противоположную сторону. В огромные стеклянные двери гипермаркета сочился непрерывный поток человеческих тел, жаждущих оставить там свои деньги. Спешили, толкались, злились, если кто-то наступал на пятки или пролезал вперед, задев локтем.

Он не любил таких магазинов, Светка любила. И Жанка любила тоже. А он нет. Половина же из того, что там бывало куплено, почти никогда потом не находило себе применения. А бралось только потому, что брал кто-то рядом, или потому, что упаковка нарядная. На это и расчет. На облапошивание. На алчность. На глупость и рассеянность. Потому и не любил Масютин подобных магазинов. Ходил только из-за Светки.

Она обычно шла чуть впереди, толкая перед собой доверху нагруженную какой-нибудь дребеденью тележку. Он сза-

ди, будто бы не с ней. Она любовалась заваленными прилавками, находя в этом удовольствие. А он любовался ею. Умилялся ее остренькими лопатками, выпирающими из-под обтягивающей розовой футболки. Наблюдал, как маятником пляшет ее белокурый хвост на макушке. Как она нагибается, как поднимает руки к верхней полке, оголяя безупречно гладкий живот с крохотной родинкой чуть слева от пупка.

Черт, черт, черт!!! Неужели это никогда не повторится?! Неужели ее не будет больше?! Он же не сможет... Он же...

«Иди, Масютин, и сожри свои беляши, и запей их этим жутким кефиром, дата реализации которого была просрочена еще пару дней назад, но тебе его все равно всучили, видя по твоей облезлой роже, что тебе не до тонкостей. Иди, Масютин, посиди и подумай, кто мог... За что... И как долго вообще тебя виртуозно держали за последнего лоха и имели во все лопатки...»

И он пошел на улицу Гирина, в тот самый пятый с любого краю дом. Пошел, наверное, в последний раз. Зачем ему теперь-то там бывать? Упиваться горем, воспоминаниями? Так они тоже ничего, кроме боли, не принесут. Подло все... Подло, больно, гадко...

В квартире кто-то побывал.

Хотя о чем это он? Вчера же был вторник, чужой по графику день. Потому и лезли в глаза чужие вещи, которые обычно Светка убирала к его приходу подальше. Светки не стало, убирать чужую постель некому. Доставать принадле-

жащую им тоже.

Масютин брезгливо покосился на клетчатый плед, скомканный посреди кровати. Тут же поискал взглядом свои и ее тапки. На месте. Стояли рядышком возле того самого обогревателя, который Светка всегда включала к его приходу, если бывало прохладно. Там же рядом, на продавленном кресле, две их подушки, одеяло в сиреневом шелковом пододеяльнике, простыня и Светкин халат. Она редко его надевала, предпочитая носиться по квартире в кофте и колготках. Он настаивал, пытаясь приучить ее выглядеть как женщина, а не как детдомовский нищий переросток.

Уронив сумки со своими вещами и пакет с беляшами и кефиром, Масютин подошел к креслу и сгреб в охапку Светкин халат. Прижал к лицу пушистую мягкую ткань и с силой втянул в себя ее запах. Странно, но она всегда пахла очень сладко. Будто смешали ваниль, апельсиновый сок, притушили цитрус мятой и всем этим обдали Светку с головы до ног. Первое время после знакомства с ней Масютин даже подозревал, что она использует вместо духов какую-то кулинарную смесь, потому что нет денег. Потом понял, что это кожа ее так пахла. Кожа, волосы, которые она мыла детским мылом. Ноги, руки, кончики пальцев, даже мысли ее казались ему такими же сладкими.

Так ли уж много знал он о ней?! Почему это случилось с ней? С ним? С ними? Он же хотел как лучше и не хотел, чтобы как всегда. Он хотел все по-честному, а она...

Он неожиданно со злостью отшвырнул халат и, развернувшись, двинул в кухню. Разложил на столе пакет с застывшими беляшами, грубо разорвал пакет кефира, едва не пролив его себе на брюки. Но обошлось, уронил только несколько капель на стол. И принялся жадно хватать зубами слипшееся тесто, не отрывая остановившегося взгляда от окна. По сторонам он больше смотреть не мог. Даже в какой-то момент пожалел, что вообще сюда пришел. Но потом успокоился. Собирался же подумать? Собирался. Лучшего места не найти. Может, здесь посетит прозрение.

Не посетило ни черта. Как ни думал, как ни крутил, все одно выходило, что Светка погибла за компанию. Ну, некому было желать ей смерти, хоть умри! Не нужна была она никому! Просто трахалась, по-русски говоря, с этим боровом. Боров этот и его свинячьи замашки давно поперек горла половине города. Пришла пора платить по счетам, вот и предъявили ему счет, а заодно и с девочкой поделились. И при таком вот гадственном раскладе найти убийцу и заказчика – все равно что искать золотую рыбку в Атлантическом океане. Это и дураку понятно, а Масютин дураком не был. И что-то подсказывало ему, что коллегам его, и ему заодно, придется ох как трудно, если вообще не придется сложить оружие. То бишь отправить дело на полочку. Это, кстати, был не самый плохой вариант.

Удобный ведь крепко насолил не только своим бывшим однополчанам, но и городским властям. А коли крепко гадил

и тем и другим, хотя вторых побаивался и гадил исподтишка, то заказать его могли как одни, так и другие. Если заказали бандиты, то есть еще вероятность, что сверху начнут давить, чтобы разыскать заказчика и исполнителя. А если заказали власть имущие, то дело другое. Запросто состроят акт заключения, будто пожар случился из-за неосторожного обращения с огнем или электробытовыми приборами, нарушили там правила эксплуатации и все такое. И что происшествие не что иное, как несчастный случай.

Так, дальше...

Ему надо определиться, что для него лучше? То, что прикажут дело рыть, или прикажут дело закрыть за отсутствием состава преступления? Конечно, второе! Если дело закроют, у него руки окажутся свободными для собственного расследования. Он тогда сможет совершенно беспрепятственно искать Светкиного убийцу, а найдя... сжечь!

Кефир был еще поганее, чем предостерегал срок реализации. Кислый, жидкий, с отвратительным затхлым душком. Беляши встали в горле липким комком, не желая продвигаться в желудок. Масютин с тоской обвел взглядом кухню и посмотрел на кефирную упаковку.

Кто скажет, что он здесь делает? Вернее, почему намеренно травит себя подобной гадостью, зная, что дома наверняка имеется борщ, котлеты с капустной солянкой и уж свежее молоко с йогуртом обязательно. Почему?

«Давай, Масютин, давай колись, зачем ты это делаешь? –

Женька стиснул виски ладонями, с грохотом положив локти на стол. – Какой прикол в том, что ты заработаешь себе диарею? Легче станет страдать душой, приобретя недуг физический? Идиот тогда ты, Женька! Идиот, дерьмо и дешевка! Почему дешевка? Да потому как признаться себе боишься в том, что придавил бы Светку собственноручно, узнав о том, что она с Удобным спит, так ведь? Так, отрицать не смей! И горе горем, а... придавил бы, окажись она сейчас здесь вот, рядом, на этой самой кухне с колченогими табуретками и шатким столом... Сука все же, так ведь?! Сука...»

У него в который раз за минувший день помутнело в глазах. Вот не думал, не гадал, приобрел проблем на свою голову! Вот ведь рекомендовал сатирик, умный, кстати, мужик: «О доме надо думать, ребята! О доме, а не о том, что вы подумали...»

Дом он сегодня самым поспешным, самым дурацким образом покинул. Правильнее, хотел покинуть жену, а покинул родные стены, привычный уют и комфорт. Потому что не мог видеть Жанку, потому что она приставала, грозила даже, стервочка такая мелкая. Но ведь сыновей еще никто не отменял. Сыновья-то его остались.

Масютин сорвался с места и бросился к своим сумкам. В одну из них, собираясь, он засунул мобильный телефон, отключив его перед этим. Сейчас он его включит и позвонит своим пацанам. У него же их двое, елки, – Витек и Антоха. Славные ребята, хотя и не всегда его понимают, и даже ко-

сятся иногда с обидой и осуждением.

– Алло! – обрадовался Масютин, услышав голос младшего, присел перед сумкой на корточки и заговорил с преувеличенной радостью. – Привет, сынок, как дела? Что там было на линейке в школе? Я немного проспал, устал ночью...

– Привет, па.

Сын поздоровался с заметной настороженностью. Неужели дура баба растрепала, что он с вещами из дома ушел?

– Дела у меня нормально. А ты где?

Точно растрепала! Еще один повод для того, чтобы дать ей в лоб. Была бы умной...

– Я на работе, а почему ты спрашиваешь? – вроде как удивился Масютин, хотя душа заныла из-за ребят.

– Да так, – замялся Витек и вдруг позвал брата к телефону.

– Антон, чего там у вас, поругались, что ли? – Голос старшего ему и вовсе не понравился.

– Нет, па. У нас все как раз нормально, а вот что у вас с мамой?

– У нас? С мамой? – глупым попугаем переспросил Масютин и, не удержавшись на полусогнутых в коленях ногах, плюхнулся на задницу. – Все вроде нормально, а почему это ты спрашиваешь меня о таких вещах, сын?

– Потому... – Антоха протяжно вздохнул, а потом с горечью, очень близкой к слезам, пожаловался: – Она пропала, па!

– Кто?! Кто пропал?!

– Мама пропала, па! Ее нет нигде. Она поехала домой после линейки...

– Ну! – перебил его Масютин.

Ему ли не знать, что домой Жанка после школьной линейки явилась и даже по лицу получила за то, что... А вот черт его знает, за что она пострадала, блин.

– Мы с ней виделись, говорили, дальше что?!

– Мы пришли, а ее нет. Телефон мобильный либо отключен, либо вне зоны действия. И нет ее нигде. Мы уже и на квартиру съездили, и в бабушкин дом звонили. Ее нигде нет, па! С ней что-то случилось, па! Надо что-то делать, па!

И Антоха... Его старший, казалось бы, взрослый малый, заревел, как девчонка.

А они ведь любят ее, как-то по-глупому подумалось Масютину. Он тут же спохватился, одернув себя, как не любить, мать же. И тут же снова подумал с явной ревностью, что из-за него вряд ли бы заплакали. Витек тоже небось ревет, если уж Антоха не выдержал.

Ладно, это дело десятое. Где Жанка?! Где ее черти носят?! Он ушел, она-то должна была остаться. Ребята пришли со школы, а ее нет. Нет ведь, Масютин!!! Что могло случиться?!

– Ладно не реви, Антоха, я сейчас приеду, – принял он внезапное решение, которое жутко ему понравилось. Вот сидел и ломался, и размышлял, и искал причину для возвращения, а она тут как тут, не заставила себя долго ждать. – Все будет хорошо, ты же знаешь!

– Не знаю! – вдруг резко оборвал его старший сын и совсем по-взрослому, совсем не как ребенок упрекнул его: – Я уже ничего про вас с мамой не знаю. Ты не ночуешь дома. Она плачет по ночам и ждет тебя возле окна. Сегодня... Ты же обещал пойти с нами на линейку, а не пошел. А теперь она пропала, блин...

И, заревев уже в полный голос, Антон бросил трубку.

Что за черт?! Куда она могла подеваться?! Не устроила же очередной шопинг, забыв встретить детей из школы и накормить их обедом. Нет, Жанка так не могла. Для нее режим питания детей – важность первостатейная. Пускай форс-мажор случился в образе сбесившегося мужа, который нащелкал ей по лицу, а потом ушел, похватав с полок шкафа непонятно что.

Масютин только теперь обнаружил, что именно таскал весь день с собой в сумках. Это надо же было додуматься забрать из дома три спортивных комплекта для игры в волейбол. Баловался одно время, когда стали пропагандировать здоровый образ жизни. Потом бросил, костюмы остались и лежали в дальнем углу его шкафа. И сегодня он их схватил впопыхах вместе с носками и майками и сунул в сумку. Хорошо, что водолазного костюма в шкафу не было, а то бы и его прихватил в припадке...

Ладно, он ушел, ослепленный болью. А она... Она ведь должна была остаться! Это же ее дом, ее дети, она же не могла их бросить! Или могла?..

– Ну и денек! – прошептал Масютин, встал на ноги и подошел к зеркалу в полутемной крохотной прихожей. Глянул на себя и недовольно поморщился. – Ну и рожа!

Выглядел он и в самом деле так себе. Под глазами мешки. Губы потрескались, будто от высокой температуры. Может, он кусал их, когда старался не заорать в полный голос? Не помнит. Ладно, ребята и не таким его видели, переживут эту помятость. Лишь бы Жанка нашлась. Не случилось бы чего с ней...

Глава 7

Он полчаса назад высадил ее из машины и уехал. А перед тем как уехать, хозяйски обронил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.